

ВИКТОР ЧЕ

В его
вину
трудно
поверить,

СИНДРОМ САМОЗВАНЦА

Метод профайлера. Психологический триллер

Виктор Че

Синдром самозванца

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Че В.

Синдром самозванца / В. Че — «Эксмо», 2023 — (Метод профайлера. Психологический триллер)

ISBN 978-5-04-198687-2

Для поклонников Майка Омера. Российский детективный триллер о необычных способностях профайлера, использующего уникальные методы психоанализа для раскрытия практически безнадежного дела. **ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ СТЮАРДЕСС** В разное время на разных рейсах погибают сразу три стюардессы одной и той же авиакомпании. Первая найдена бездыханной рядом с отелем вскоре после посадки самолета в Лос-Анджелесе. Вторая, как показало вскрытие, была отравлена цианидом в воздухе во время рейса в Пекин. Тело третьей обнаружили в одной из подворотен после приземления в Иркутске. **СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА — ПИЛОТ** Следствие приходит к выводу, что ко всем трем смертям причастен пилот Павел Отлучный. Каждая из погибших имела с ним отношения, и в каждом случае у него был мотив расправиться с жертвой. Его осуждают на пожизненный срок как серийного убийцу. Казалось бы, правосудие восторжествовало... **ПРОФАЙЛЕР С ТЕМНЫМ ПРОШЛЫМ** Однако, руководство профсоюза авиационных работников в корне не согласно с таким приговором... Оно обращается к профайлеру Виктору Черемушкину, чтобы тот, используя свои необычные способности, помог установить истину. И чем глубже он погружается в детали преступлений, тем страшнее становятся его выводы... «Вместе с главным героем мы собираем пазл и по крупицам составляем психологический портрет маньяка, убивающего стюардесс. Но не менее интересно следить за тем, как постепенно, от главы к главе, растёт мастерство начинающего профайлера, который пытается вычислить убийцу. Невероятно увлекательное чтение!» — Александра Маринина

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198687-2

© Че В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Че

Синдром самозванца

Иллюстрация на переплете и форзаце Ю. Девятовой

© Че В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава первая

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

– Вы мучаете людей, – сказала Диана. – Это надо прекращать. Вы сами остановитесь или помочь?

Глаза девушки смотрели недобро, словно я украл у нее котенка. Припухлый от простуды нос влажно шмыгнул. Надеюсь, у нее не коронавирус. Говорят, насморк теперь не показатель модной болезни: столько штаммов развелось, что не разберешь, где «корона», а где нет.

На всякий случай я отодвинулся подальше и стал дышать в сторону.

Диана выжидательно молчала. Наверное, рассчитывала, что кинусь обниматься и благодарить за открытие глаз на страшную правду. А когда немного успокоюсь, то примусь вопрошать севшим голосом, как же мне быть дальше.

Но ничего подобного делать я не собирался.

В голове сформировался план действий: позвать официанта, попросить счет, не отвечать ни на один вопрос, уйти и никогда больше не соглашаться на подобные встречи. Вместо этого я зачем-то произнес:

– И как же я мучаю людей?

Безнадежно, просто безнадежно. Зачем я спрашиваю?

– Вы пишете на интересную тему, – ответила Диана. – Оторваться невозможно. Я прочитала все, что вы опубликовали. Но это же каторга. Самая настоящая.

– Я вас не понимаю, – сказал я.

Диана обхватила ладонями чашку с черным имбирным чаем, сделала большой глоток и снова шмыгнула носом. Нет, все-таки это «корона», через три дня свалюсь со страшной температурой и буду мучительно умирать.

– Попробую вам объяснить, – сказала Диана. – Правда, я не уверена, что получится... Похоже, я начала не с того, и теперь вы никак не сможете отделаться от мысли, что мучаете людей. Мне очень жаль, правда, очень. Короче, давайте я начну сначала?

– Только недолго, – сухо ответил я, – вы и так подзатынули интригу.

Диана сделала глоток чая, сочно шмыгнула носом и продолжила:

– Да, извините. Вижу, что вы негативно настроены, но что уж поделать... Я про... В смысле, оплошала. В общем, тема текстов захватывающая. Никто в России этого не делает. Вроде бы очевидно, что должны заниматься, мы же не какая-нибудь развивающаяся страна. У нас впереди планеты куча всего, но не криминология, увы.

– То, чем я занимаюсь, – криминология, – поправил я ее, – это разные науки. Но не суть. Продолжайте.

Диана свела глаза в кучу, подняла указательный палец и повторила, беззвучно шевеля губами: «Криминология».

– В общем, – сказала она, – я прочла все, что есть в художественной литературе, но на научную меня не хватило. Читаю и не понимаю, о чем вообще речь. Как связаны между собой виктимо... виктими... что-то-там-логия и профилирование?

– Виктимология, – подсказал я.

– Да, она самая, – улыбнулась Диана и снова кивнула. Повторять ритуал с запоминанием она не стала. Видимо, виктимология была в ее картине мира дальше от профилирования, чем нужно.

– Я не понимаю...

– Я не тупая, – зачем-то сказала Диана и, увидев мое выражение лица, принялась тараторить: – На самом деле я профессионал в глянцевой журналистике, но вы и сами прекрасно знаете, где сейчас все мои коллеги. Кто-то пытается плыть дальше, гребя глянцевыми веслами, а я хочу круто изменить специализацию.

Последнее слово у нее застряло в горле, она схватила чашку, но та уже была пустой. Я взял чайник и подлил. Диана кивнула и сделала большой глоток, поперхнулась, закашлялась. Из носа у нее полился – надеюсь – чай, она хрюкнула, принялась стучать в грудь кулаком. Я наблюдал за представлением и думал: вот если она сейчас задохнется, буду ли я последней скотиной, когда встану и молча уйду? Конечно, буду. Надо хоть для виду попытаться ее спасти.

– Вам помочь? – спросил я, не двигаясь с места.

Диана, пунцовая от кашля, покачала головой, сделала три внушительных «гхэка» и успокоилась.

– Блин, думала, ежа рожу, – сказала она сиплым голосом, – извините.

– Так что вы все-таки хотели мне сказать, Диана?

– Я сейчас чуть не умерла, поэтому, пожалуйста, забудьте все, что я сказала до этого, обнулите. Сможете?

Да что же такое-то? Все же решение уйти было верным. Где чертов официант?

– Вы ищете способ тактично позвать официанта? Не выйдет. Их тут надо арканом отлавливать. Итак, зовут меня Диана Соловьева, я журналист. Раньше я делала интервью с селебам. Как вы знаете, глянец покинул страну, пришлось менять специализацию. Все мои собратья, кто остался не у дел, осели в телеграм-каналах, но мне неинтересно там. Я решила сконцентрироваться на более серьезном деле. Криминальная журналистика.

– Похвально. А я здесь при чем?

– Обнулиться не получилось, – со вздохом подытожила Диана. – Ладно, я все равно продолжу. Криминальные новости – это очень скучно. Фактура скупая, интерес молниеносный, поверхностный. Аналитика в новостях – жанр непопулярный. Зато расследования – это тема. Просмотры не сногшибательные, но контент интригующий, долгоиграющий. Можно экспериментировать с форматами: не только текст, но и подкасты, например. Или даже канал на ютубе. Или в телеграме.

– Все еще не понимаю, при чем тут я.

– Скажу как есть: пишете вы ужасно. Это так нудно, так топорно... Вы мастер канцелярита. Бог длинных предложений. Ювелир скучных тестов. Это надо прекращать. Нельзя так писать и показывать это людям.

– И вы встретились со мной, чтобы сообщить мне это?

– Да.

– Спасибо, это очень любезно. Могли просто насрать в комментариях.

– Вам там и так достается.

– Написали бы в личку.

– Вы бы меня заблокировали – и все.

– Что мешает мне заблокировать вас сейчас? Я ухожу.

– Нет, Виктор, подождите. Простите, если все это было грубо. Да, пожалуй, это и было грубо...

– Диана, остановитесь, – сказал я. – Я понял, что вы пытаетесь донести. Тема, да? Вам тема нравится? Так возьмите ее, работайте. Она мне не принадлежит. Я занимаюсь этим по фану, просто нравится. Я не заблокировал другим возможность изучать профайлинг. Вперед!

– Я для этого слишком тупая, – ответила Диана. – Говорю как есть.

Кажется, она использовала уже все известные ей методы психологического воздействия.

– Ничем помочь не могу, – сказал я.

– Можете, если захотите.

– С чего бы?

– У меня есть реальное расследование. Мы вместе его сделаем, а потом я напишу книгу.

Я рассмеялся.

– Что в этом смешного? Вы сами не напишете ничего. Вы бездарь, Виктор. Ну, признайтесь же себе.

– Себе? Или вам?

Да, я обиделся. Слова Дианы поначалу не сильно задевали. Это было неприятно услышать, не скрою, но, в общем-то, бокал просекко вечером, серия-другая «Анатомии страсти» – и все, тема бы отпустила. Сейчас я уже не был так уверен. Эта маленькая хрупкая девушка в толстом сером свитере меня обидела. И даже не на любовном фронте.

Диана была во многом права. Мне доставалось от комментаторов. Поначалу я отвечал яростно, многословно, потом устал и закрыл комментарии, но люди начали долбиться в личку. Они не стеснялись в выражениях, слали гадости, сообщали, что их дети-дошколята, кошки, рыбы, пьяные мужья – выбор велик – пишут лучше. И мои тексты читать невозможно. Один комментарий мне запал в душу так глубоко, не достать его и не выкинуть: *«Если бы нужно было намеренно сильно оскорбить русский язык и литературу, это бы поручили вам»*. Я перестал читать отзывы, не заглядывал в сообщения. Просто писал и публиковал. Смотрел на число просмотров и представлял, что каждый прочитавший доволен.

Конечно, были и те, кому мои статьи нравились. Они ставили лайки и писали что-то вроде: «Афтор пиши есчо». Более-менее содержательные положительные отзывы мне пока не встречались.

– Витя, вы специалист в профайлинге. Я – в текстах. Давайте работать вместе. Напишем классную книгу. Мы можем сделать это. Вместе.

– Я могу сделать это сам, – сказал я. – Вы мне для этого не нужны.

– Очень нужна, – ответила Диана. – И скоро вы это поймете. Очень скоро. Жаль, что мы потеряем столько времени, но, видимо, придется с этим смириться. Вы в этом не виноваты, тут накосячила я. Сорри.

– Диана, вы неподражаемы, – рассмеялся я, – вы меня оскорбили, принизили мои достижения, еще и под конец чувство вины пытаетесь привить. Ну честное слово, хватит. Остановитесь.

– Хорошо, я заткнулась, – сказала она и впрямь умолкла. Осторожно сделала глоток чая, улыбнулась, шмыгнула носом.

Я подозвал официанта, попросил нас рассчитать. Он тут же достал терминал, я приложил карту, которая снова поселилась в кармане, потому что айфоном теперь заплатить нельзя. Лента с пиканьем вылезла из щели, официант оторвал ее, выразительно посмотрел на кьюаркод с безличными чаевыми и удалился.

Я улыбнулся, взял с соседнего стула сумку и сказал:

– Всего вам доброго, Диана!

Диана кивнула и шмыгнула носом.

Расшифровка интервью

Москва, дата записи: март 2023 года

– Почему вы занялись профайлингом?

– Несколько лет назад я довольно долго работал с одним человеком и все это время не подозревал, что он убийца. Жестокий маньяк-менеджер, который управлял такими же монстрами, как и он сам. Я не знаю почему я не заметил ни единого сигнала. Ни единого. И из-за этого чуть не отправился на тот свет.

– *А как такое могло случиться? Как это вообще устроено, можете объяснить? Я правда не могу у себя в голове уложить... Вот человек, у которого есть психические проблемы, так почему по нему этого не видно?*

– На самом деле видно, если знать, куда смотреть. Если бы все знали, то мы бы легко вычисляли всех маньяков и ловили бы их. Останавливали бы. Вот это я и захотел понять: куда смотреть, что искать. Меня это коснулось лично, и поэтому я заинтересовался. Поначалу просто ради себя, чтобы разобраться... А может быть, чтобы снять вину. Потому что пока я смотрел на него и ничего не подозревал, он продолжал убивать. Точнее, управлять своим отрядом убийц. Вот как минимум это было общим между человеком-профессионалом и человеком-маньяком. Они оба были превосходными менеджерами.

– *Вы захотели понять, могли ли распознать в коллеге маньяка? Я правильно поняла?*

– Да, Надя, вы меня поняли правильно.

– *И к каким выводам вы пришли?*

– Я бы не смог. Без специальных знаний никто бы не смог.

– *И этих знаний у российской полиции нет, верно?*

– Абсолютно. Этим никто не занимается. Правоохранителям не до «карт таро», как выражаются некоторые высокопоставленные представители ведомств. Они не считают профилирование серьезной отраслью криминалистики, которая на самом деле может помочь вычислить убийцу, остановить его. В США этим занимаются очень давно.

– *Вы можете теперь сказать, куда смотреть? Что выискивать в людях? Ведь это очень страшно – находиться рядом с человеком и не подозревать... Я сейчас говорю, а у меня мурашки по коже...*

– Да, я расскажу вам, Надя, какие есть сигналы, что должно заставить вас насторожиться. В этот момент кое-кто из вашего окружения уже занервничал...

– *Виктор, я понимаю, что вы пытаетесь шутить, но это совсем не смешно.*

– Извините, Надя.

Рейс Москва – Лос-Анджелес

2 марта 2018 года

Воздушное судно: Аэробус А350-900

Крейсерская скорость: 903 км/ч

Время в пути: 12 часов 10 минут

Расстояние: 9769 км

Время вылета (московское): 02.03.2018, 14:00

Планируемое время прибытия (лос-анджелесское): 02.03.2018, 16:10

Леше всегда становилось плохо в полете. Хоть выспись до рейса, хоть вообще не спи заранее в надежде, что от усталости вырубит на фиг. Хоть ешь бортовую еду, хоть не ешь – один черт раза три в туалете придется позаседать. Жаль, нельзя накидаться спиртным или снотворным и отключиться, потому что за детьми обязательно нужно следить. Бывает, попадают нормальные стюардессы, которые дают поспать пару часов, а сами в это время приглядывают за ребятней, чтобы те не разнесли самолет в клочья, но сегодняшний рейс явно не из таких. Бортпроводницы в первый раз летят в заграничную командировку, это Леша понял по их донельзя

деловым физиономиям и безупречным холодным манерам. Наверняка ожидали увидеть богатых бизнесменов и одиноких футболистов, а получили полсамолета детей и несколько многочисленных армянских семей. Оттого и злые как черти.

Леша горестно вздохнул, полез на багажную полку, стянул вниз портфель, вынул папки и уселся обратно. Командир корабля по громкой связи напомнил, что приоритетом авиакомпании является безопасность пассажиров, в связи с чем на всех рейсах строго запрещено курение и употребление принесенных с собой спиртных напитков. Можно подумать, что, напившись купленным на борту алкоголем, люди буянить не будут. А вот если принесенным с собой, то тушите свет! Леша вздохнул и тут же подумал, что в последнее время стал часто вздыхать, как дедок в состоянии острого осуждения. Ну еще бы, кому это понравится – под предлогом обеспечения безопасности запрещать употребление спиртного, купленного в дьюти-фри. С запретом на курение на борту Леша был согласен полностью, потому что вспыхнувший огонек в туалете в мгновение ока перерастет в пожар из-за сухого воздуха в салоне. Вырвись пламя за пределы туалета – и все сгорит за три минуты. А вот с табу на бухлишко согласиться не мог: какая разница, какого вина насосется потенциальный буян? Хоть земного, хоть воздушного – один фиг, будет фестивалить.

Самый проблемный из подопечных сидел рядом, притворялся спящим. Леша повернулся к нему, помахал рукой перед лицом, парень заулыбался.

– Я же вижу, что ты не спишь, Димон. Давай-ка смотри в окно, мне надо немного поработать. И не суй нос в документы, здесь все конфиденциально.

– Хорошо, – послушно ответил Дима.

Ну и, естественно, не успел Леша открыть папку, как парень усиленно засопел. У него дислексия, и читает он с большим трудом. Как раз это он и пытался сделать сейчас. Леша заранее знал, что так будет, и поэтому предварительно заклеил желтым стикером фотографию и Ф.И.О. в анкете, оставил только текст, который Димону не удастся быстро усвоить. Анкету каждого подопечного Леша помнил практически наизусть, и сейчас ему даже не пришлось приподнимать стикер, чтобы понять, о ком речь.

Очаровательную и милую Дарью в детском доме звали только Дашулей и никак иначе. Восемь лет, острая лейкемия, стадия ремиссии. Девочка из Владивостока, это первая поездка в Лос-Анджелес. Родители – пьяницы, и если бы не глазастая воспитательница в садике, заметившая синяки на теле девочки, то ребенок умер бы от кровотечения. Воспитательница решила, что малышку избивают, вызвала социальную службу. Девочку отправили в больницу, где и диагностировали рак крови, который давал синяки по телу. Слава богу, что у одного из родителей, отца, хватило благоразумия отказаться от спиртного на несколько месяцев, чтобы стать донором костного мозга, а вот мать ушла в глубочайший запой, из которого, кажется, до сих пор не вышла. Дашулю прооперировали, на радостях отец присоединился к матери, за что их обоих и лишили родительских прав. Дашуля попала в детский дом, куда приезжала потенциальная приемная семья, чтобы пообщаться с девочкой, а сразу после начали готовить документы на удочерение. Самое важное сейчас – чтобы временное попечительство прошло успешно, тогда можно будет получить разрешение и забрать Дашулю насовсем. К анкете был прикреплен листок с Лешиними заметками, в которых он описал риски: страх перед болезнью девочки, возраст, в котором трудно будет выучить язык, чрезмерно заботливый родной брат (есть подозрения, что парень уже попивает). Это серьезно, поскольку до реального удочерения пройдет в лучшем случае год, за это время болезнь может вернуться, и тогда процесс придется остановить на все время лечения. К тому времени брат достигнет совершеннолетия – сейчас ему 16 – и начнет оформление опекуна над сестрой, у него преимущество. И все это время девочка не сможет нормально учить английский. Если она приедет с нулевыми познаниями в Америку, то адаптироваться быстро у нее не получится. Казалось бы, и не с таким справлялись, но на практике у Леша бывали дети и с меньшими рисками, которые после первого визита в Америку возвра-

щались в детдом. Леша пометил риски цифрой «1» – это означало, что у него есть месяц, чтобы Даша осталась за границей. Это нереально, против всех правил, но что-то придумать нужно. Других вариантов подстелить солому под это дело Леша не видел.

– Капитан корабля включил световое табло «Пристегните ремни», просьба ко всем пассажирам вернуться на свои места, пристегнуть ремни, поднять откидные столики и выпрямить спинки кресел. Ожидается турбулентность.

Мимо быстрым шагом прошла стюардесса, зорко поглядывая на пассажиров. Обнаружив в четвертом ряду что-то, что ей не понравилось, она обернулась, нашла глазами Лешу и подзвала его. Леша отстегнул ремень, встал и подошел к стюардессе.

– Что здесь?

– Я лично пристегивала молодого человека четыре раза, однако он отстегивается. Мне придется принять меры, если вам не удастся его убедить.

В ряду сидели трое его подопечных: Вадик, его сестра – оба примерно одинаковой крупной комплекции – и между ними худющая голубоглазая блондинка-пятнадцатилетка. Проблема была у Вадика – ремень хоть и застегивался, но сильно давил.

– У вас есть дополнительная секция ремня? – спросил Леша у стюардессы.

Та милейше улыбнулась и ответила:

– К сожалению, не осталось ни одной. В салоне бизнес-класса все раздали. Если молодой человек сядет ровно, то ремень застегнется. Мы четырежды это проделали вполне успешно.

– Мне давит, – настаивал Вадик.

– А жрать надо меньше, – ответила блондиночка. – Мало того что из-за тряски ты вылетешь из кресла и помнешь всех нас, так еще и развалился на оба подлокотника. Сижу как селедка в банке, с обеих сторон зажали.

Леша наклонился к ребятам.

– Так, ребята, давайте-ка все вместе сделаем над собой усилие, ладно? Вы двое, – он кивнул на брата с сестрой, – перестаньте ее теснить. Я пойду и попробую найти дополнительную секцию ремня. Вадик, можешь, пожалуйста, застегнуть ремень и не расстегивать, пока не погаснет табло?

Вадик застегнул ремень и виновато посмотрел на Лешу.

– Отлично, а теперь вернитесь на свое место, пожалуйста, – сказала стюардесса с непроницаемой улыбкой.

Леша проигнорировал ее просьбу и пошел вслед за ней.

– Куда вы? Займите свое место и пристегнитесь, – велела стюардесса строгим голосом.

– Увы, не могу, – возразил Леша. – Я обещал, что пойду в бизнес-класс и найду дополнительный ремень, раз вы этого сделать не можете.

– Нет, вы вернетесь на свое место, – процедила стюардесса. Ее глаза недобро заблестели.

– Послушайте, я обещал. До турбулентности еще минут десять. Я успею. Если этого не сделать, парень отстегнется, и мы все с вами будем в опасности. Ему реально давит.

– Хорошо, я попробую что-нибудь придумать, – ответила стюардесса. Голос у нее при этом был ледяной. – Вернитесь, пожалуйста, на место.

Леша вернулся на свое место.

– Ну е-мое. Я же сказал, что это конфиденциально.

– Я просто подержал!

– Ты врун, Димон! – ответил Леша и взял в руки папку.

Он следил за четвертым рядом, вытянув шею. Понять, отстегнулся ли Вадик, было невозможно. Одна надежда на его соседку, которая поднимет вой, если Вадик потихонечку освободится. Стюардесса быстрым шагом вернулась в хвост самолета, уселась на свое место и накинула ремень крест-накрест. Ей просто по фигу.

Самолет начало потряхивать.

Леша встал.

– Вернитесь на свое место, – раздался сзади угрожающий голос стюардессы. Леша сделал вид, что не услышал.

Салон бизнес-класса располагался в передней части самолета. Чтобы пройти туда, нужно миновать семь рядов кресел, потом рамку, разделяющую салоны. Это некий психологический барьер – никогда не знаешь, можно ли тебе незаконно ступить на территорию бизнес-класса или нет. Как будто одна из стюардесс материализуется на месте и громко скажет, что эта часть самолета для людей высшего слоя и вам, челяди, тут делать нечего.

Но никто к Леше не подошел.

Самолет уже прилично шатало, Леша держался за пухлые спинки кожаных кресел, чтобы не упасть. Сидящая впереди салона стюардесса быстро отстегнула ремни и направилась к нему.

– Мне нужна дополнительная секция для ремня, – сказал Леша, опережая ее вопрос.

– Какое кресло?

– Место «С», в четвертом ряду экономкласса.

– Я вас поняла, сейчас все сделаю, вернитесь, пожалуйста, на свое место.

– Я просил бортпроводницу в нашем салоне еще до того, как начало шатать, она мне пообещала, но ушла в хвост и уселась в свое кресло. А парню давит ремень. Он просто отстегнется, и все, понимаете? Я ему обещал. Этих детей нельзя обманывать.

Стюардесса улыбнулась не служебной улыбкой, а самой настоящей, человеческой. Леша сразу ей поверил. На ее бейджике было написано «Винера».

– Вы просили вон ту бортпроводницу? – спросила Винера и кивком указала в хвост самолета, где сидела та самая стюардесса и осматривала салон взглядом коршуна.

– Да, ее.

– О, ее нельзя просто так уговорить что-то сделать. Она делает только то, что считает нужным. И если она решила, что ваш парень будет страдать, значит, он будет страдать.

В этот момент самолет хорошенько тряхнуло, у Леша подкосились ноги, он чуть не упал. Винера придержала его.

– Пожалуйста, вернитесь в свое кресло. Я вас поняла и все сейчас сделаю.

Леша послушался. У него заложило уши, стала подкатывать дурнота. Он вернулся на свое место, пристегнул ремень.

Винера действительно почти сразу появилась с дополнительной секцией для ремня, пристегнула Вадика и удалилась в бизнес-класс.

Капитан погасил табло «Пристегните ремни» только через час.

Леша пошел проверять своих подопечных. Помимо троицы с Вадиком во главе у него было еще двадцать ребят, раскиданных по всему салону. Из кухни снова запахло едой, ребята оживились. Леша дежурно попросил детей есть аккуратнее, чтобы не получилось как в прошлый раз, когда горячая рыба из касалеток оказалась у них на коленях.

В первом ряду, сразу за бизнес-классом, сидела Дашуля и плакала. Оба места рядом с ней пустовали.

– А где пацаны? – спросил Леша.

Даша быстро вытерла слезы и ответила сиплым голосом:

– В туалет ушли.

Леша и сам это знал – видел их в хвосте самолета в очереди в уборную, но все равно спросил, потому что ему нужно было заговорить с девочкой.

– Мне кажется или ты плачешь? Парни тебя обидели?

Даша отрицательно помотала головой, но слезы все же предательски выступили.

– Эй-эй, ты же знаешь, что в самолете сухой воздух и начинается обезвоживание. А ты еще и специально теряешь влагу. Расскажи мне: что случилось?

Рядом появилась бортпроводница Винера.

– Я чем-то могу вам помочь? – спросила Винера у Даши и посмотрела на Лешу.
Тот пожал плечами.

Винера села в свободное кресло, взяла девочку за руку.

– Тебе страшно летать? Ты боишься? Или тебя кто-то обидел?

Даша отрицательно помотала головой, а потом заплакала, спрятав лицо в ладонях. Винера гладила девочку по плечу и что-то ласково ей шептала, и в конце концов та повернулась к Леше, подняла рукав футболки и показала предплечье.

– Видите?

Леша видел. Это был синяк. И если для любого другого ребенка синяк – это просто синяк, то для Даши он может быть очень опасным симптомом.

– Что там? Синяк? Тебе больно? – спросила Винера.

– В том-то и дело, что мне не больно, – ответила Даша, – и это не просто синяк. Это рак. Он вернулся.

Винера легонько коснулась пальцем синяка.

– Глупышка, это не синяк при лейкозе, это синяк от того, что тебя кто-то ущипнул. Видишь, как будто два отпечатка пальцев? Он еще красный, это сделали недавно. Видимо, ты уснула, а парни тебя ущипнули. Сейчас они придут, и мы их спросим. Уверена, так все и было.

– Никто меня не щипал, – ответила Даша. – Никто.

– А есть на теле еще синяки?

– Не знаю.

– Давай сходим и посмотрим.

– Прямо сейчас? – спросила девочка.

– Прямо сейчас, – ответила Винера, встала и протянула руку.

Девочка посмотрела на Лешу, тот кивнул. Девушки удалились за шторку бизнес-класса, и как раз в это время подросли два брата-акробата.

– Ну, признавайтесь, кто ущипнул Дашу? – спросил Леша.

Парни тут же сознались.

– Ну вы даете. Как дети, ей-богу. Даша сильно расстроилась.

Из-за шторы показались Винера с Дашей. Девочка выглядела лучше. Видимо, синяков больше никаких они не нашли, хотя Леше было тревожно, от этого сильно разболелась голова и стало подташнивать.

– Дашуля, прости, что ущипнул тебя, – сказал один из парней. – Ты храпела.

Девочка закатила глаза и села на свое место, заметно повеселевшая. Кажется, она успокоилась.

– Ну что, пацаны, придется вам отдать свои десерты Дашуле, – сказал Леша, – в качестве компенсации морального вреда. Приду – проверю.

Парни погрустнели, а Леша повернулся к Винере и сказал:

– Спасибо, что помогли ее успокоить.

– Я рада, что это просто синяк.

Леше показалось, что в глазах у нее слезы.

– У моей дочери тоже был лейкоз, – тихо сказала Винера, – и я знаю, как выглядят те синяки, я вдоль и поперек все изучила. Это не оно – видно, что от травмы, а не кровоподтек. И других синяков нет, на ощупь температура нормальная, слабости нет. За что детям такое? Всю жизнь будет переживать и бояться. А с вами-то все хорошо? Вы бледный.

Леше действительно заглохло. К тошноте и головной боли присоединилось головокружение. А еще будто бы сковало плечи и давило на грудь, хотелось глубоко вдохнуть.

– Да, чего-то развезло.

– Вы пили что-то? Алкоголь? Кофе?

– Нет, только воду. Ел курицу с рисом, овощи.

– Живот не болит?

– Нет. Но тошнит.

– Вы очень бледный. Пойдемте в уборную, вам нужно умыться. Может быть, станет легче. Я пока придумаю, чем вам помочь.

Она проводила его, Леша побрызгал прохладной водой на лицо. Не помогло. Он вышел, пошатываясь, и двинулся в сторону салона экономкласса. Винера поймала его и сказала мягким голосом:

– Ложитесь здесь, на этом ряду. Вот таблетка, выпейте. Это от укачивания, должно полегчать.

– Мои дети...

– Не переживайте за детей, я за ними пригляжу. Все будет хорошо, отдыхайте. С дыханием сложно, да? За грудиной болит? Вот здесь?

Винера коснулась пальцами места, за которым у Леша пекло. Он кивнул. Воздуха не хватало.

– Все будет хорошо, ложитесь.

Леша лег и сразу провалился в туманный сон. Он пытался выпутаться из-под тяжелых теплых одеял, давящих на грудь, хотел распахнуть окно, чтобы было чем дышать. Когда прохладный воздух коснулся его лица, он был полностью изнеможен. Так плохо ему не было никогда в жизни.

В госпитале Святого Иоанна в Лос-Анджелесе, куда Лешу доставили прямо с трапа самолета, ему поставили диагноз «инфаркт миокарда», провели экстренную операцию по стентированию сосуда сердца и выписали через четыре дня. Хорошо, что эта больница относилась к Красному Кресту и на выходе ему не вручили счет на несколько десятков тысяч долларов, лечение было бесплатным.

Уже в отеле, разбирая почту и созваниваясь с кураторами в Лос-Анджелесе, чтобы спланировать дальнейшую работу, Леша узнал, что стюардесса Винера не только стабилизировала его состояние, распознав инфаркт, но и подготовила все наземные службы, и поэтому у трапа рейс встречала скорая.

Больше того, Винера не оставила и детей. Она помогла его напарнице организовать доставку ребят в отель в даунтауне города и расселить их. Пробыла там до поздней ночи, пока не приехали все будущие усыновители.

У напарницы странным образом телефона Винеры не нашлось.

Леша написал большое благодарственное письмо начальству Винеры и попросил ее контакты, чтобы лично сказать спасибо.

Четыре дня спустя ему пришел ответ, в котором представитель авиакомпании благодарил за высокую оценку работы персонала и выражал сожаление, что не может поделиться данными бортпроводницы: это прямо запрещено политикой конфиденциальности.

Леша отправил в ответ просьбу передать его имейл Винере, чтобы она при желании могла сама связаться с ним. Ответ прилетел мгновенно: такой возможности нет, поскольку Винера из заграничной командировки не вернулась. А следующее письмо пришло с персонального электронного адреса. Там была ссылка на статью в *The Los Angeles Post*: «*Бортпроводница российской авиакомпании найдена мертвой недалеко от отеля Hilton Garden в пригороде Лос-Анджелеса*».

Глава вторая

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

Мадам-ответчицу я распознал сразу. Грушевидная фигура, затуманенный взгляд, неопрятное темно-зеленое платье с большим пятном на вольных грудях – все как описывала моя клиентка. Зоя строго-настрого запретила разговаривать с ответчицей, потому что та наглухо отбитая, может полезть в драку. Дело для нее принципиальное. Ну разумеется, деньги как-никак.

Я на всякий случай отошел в сторонку, пропустил мадам-ответчицу во двор Останкинского районного суда. Она прошла молча, не поднимая взгляда. В нос ударил сильный запах ацетона.

Набил сообщение в телеграме Зое: «*Мадам пришла*» – и получил ответ: «*Удачи, зайчик!*»

Зоя – моя постоянная клиентка, примерно раз в полгода я по какому-то ее делу хожу на процессы. Если бы не наши долгие отношения, я бы не взял добрую половину Зоиных исков по банальной причине: сама, блин, виновата! Вот и в текущем деле я в толк взять не могу, как Зоя, жена успешного и уважаемого человека с деньгами, могла связаться с мадам-ответчицей и дать ей в долг пять миллионов рублей под расписку? Я их даже в одном помещении представить не могу – мадам и Зою. У меня один ответ: Зоя ищет приключения на свою задницу и находит. Если увидите разъезжающую по Москве на фиолетовом «Гелендвагене» рыжеволосую женщину средних лет в огромных солнцезащитных очках, инкрустированных блестящими камнями, – смело подходите к ней и просите денег в долг, пожить в квартире или на даче, тачку на выходные или можете представиться службой безопасности Сбербанка со всеми вытекающими. Зоя схавает все.

Я потушил окурочку о подошву и упрятал в специальную пачку для таких вот дел. Возле зданий судов урны днем с огнем не сыщешь, все поубирали в ужасе, что вместо банки из-под «Доброй кола» туда выбросят бомбу. Короче, курить хочется, а мусорить совесть не позволяет, вот и приходится таскать с собой импровизированную карманную пепельницу.

На досмотр я подошел подготовленный, все мелкие железяки засунул в рюкзак, водрузил его на стол, сам прошел через рамку. Не пропиликал. Открыл рюкзак, дал приставу все просветить внутри фонариком, застегнул молнию и пошел к залу заседаний на четвертый этаж пешком, игнорируя лифт. В прошлом месяце я застрял в кабине на восьмом этаже, провисел там четыре часа. Все это время диспетчер пыталась убедить меня, что я ни при каких обстоятельствах не рухну вниз, тросы не оборвутся, а воздуха мне хватит аж до завтра. Когда техник раздвинул двери, выяснилось, что лифт застрял между этажами и мне надо спрыгивать на площадку седьмого. Сделать это быстро не получалось – щель была очень узкая. Требовалось просунуть сначала ноги, потом туловище и голову. Естественно, меня парализовало от страха при мысли, что, когда я буду наполовину снаружи, лифт сочтет себя уже отдохнувшим и поедет вверх. Меня буквально за руки вытаскивали, потому что сам я в эту щель лезть отказался. Короче, больше так не рискую, хожу пешком: и для сердца полезно, и для ментального здоровья.

Толпа у зала собралась знатная. Я протиснулся, пролистнул на электронном табло список назначенных к слушанию дел, увидел, что мое дело в очереди пятнадцатое, и пошел обратно. Надо бы предложить ИТ-службе суда транслировать электронное табло на сайте, это бы многим

экономило кучу времени. В аэропортах есть ведь такое: если рейс задерживается, ты можешь приехать попозже, не гнать по встрече. Чего ж в судах так не сделать?

Судя по всему, раньше чем через два часа в зал не попаду.

Я вышел на улицу, напялил темные очки и неспешно двинулся в сторону небольшого торгового центра. Погода была чудесная – яркое сентябрьское солнышко, не такое жаркое, как летом, но все же теплое. Я люблю начало осени, пока под ногами не запузываются дождевые ручьи, а деревья не станут стыдливо голыми. Там уже и до снега рукой подать, а снег в Москве – явление не очень симпатичное: пару часов красиво, а потом кислотные реагенты превратят все в серую зернистую жижу, дворники забросают ею газоны, и привет.

В торговом центре буквально несколько магазинов и кофейня. Беру черный кофе, булочку с маком и присаживаюсь за столик.

Нет, ну какова эта Диана, а? Это же надо было так постараться – написать мне сообщение в личку, настойчиво требовать встречи, терпеть переносы, потому что я никак не мог воткнуть ее в свой график. И в результате добиться-таки своего, увидеть меня перед собой, чтобы – что?.. Чтобы вывалить кучу дерьма. Конечно, я драматизирую и кучи там не было и подавно, а было чуть-чуть критики, которая больно ударила по моей самооценке. Но что я могу поделать, если это неприятно? Окей, может быть, мои тексты и кажутся кому-то глупыми, сложными, нечитаемыми, перегруженными фактурой, но есть ведь люди, которым нравится то, что я пишу. Их не так уж много, но и критиков не толпа. Примерно пятьдесят на пятьдесят. И потом, кому и что я должен? Не нравится – не читайте. Моих текстов нет в обязательной школьной или институтской программе, я никого силой не заставляю. И если кому-то не хватает мозгов, чтобы... Ладно, это меня уже понесло. Разогрелся.

В телеграм пришло сообщение: «250к в мес, должны управиться за 1–2 мес максимум, последний аргумент». На аватарке контакта-отправителя изображен лабрадор. Я люблю эту породу собак.

Значит, Диана в разговоре едва коснулась самого главного. Ее дело – не теория для книги, не просто материал. И даже не *pro bono*¹, а самое настоящее, серьезное дело, за которое кто-то заплатит.

Голод пропал, как бывает в минуты возбуждения. Я оставляю булочку на подносе, забираю кофе и выхожу на улицу.

Кто может заплатить 250 тысяч рублей ненастоящему профайлеру? Диана права, в России нет ни такой науки, ни таких профессионалов. Есть те, кто использует элементы профайлинга, но занимается этим по доброте душевной. Есть такие, кто барыжит экспертизой на черном рынке: иногда психологов привлекают для отвода присяжных заседателей, а еще корпорации нередко заказывают подобные услуги при найме топ-менеджеров. Но то именно психологи, которые именуют себя профайлерами. Есть, безусловно, криминологи, которые изучают личность преступников. Но нет профессионалов-криминалистов, которые смотрят на преступление, чтобы увидеть в нем отражение преступника и описать его.

Двести пятьдесят тысяч – большая сумма. Не сногшибательная, конечно, но большая. Имеет смысл задуматься. Например, Зоя платит мне за каждое дело 150 тысяч, но оно тянется по меньшей мере от полугода до года. Под конец от такого сотрудничества остается только позор, потому что деньги давно съедены. В среднем ежемесячно у меня 3–4 кейса разной сложности и, понятное дело, разного гонорара. Но в целом 250 тысяч – тот бюджет, в который я целюсь.

И мне готовы заплатить эти деньги за то, чтобы я целых четыре недели занимался делом, которое обожаю.

¹ Pro bono – на безвозмездной основе (лат.).

«А если удастся выполнить задачу, то гонорар успеха еще 600к. Хорошее предложение, надо брать», – пришло еще одно сообщение от контакта с лабрадором на аватарке.

Я и так-то не очень горел желанием вступать в процесс и разбираться, как получилось, что мадам не возвращает долг и при этом утверждает, будто Зоя достала из «Гелендвагена» битую и вынудила написать расписку. А после сообщений от Дианы и вообще захотелось поскорее закрыть судебный процесс, сесть в машину и тщательно все обдумать.

В квартире Вити

А ты не очень-то обеспокоен своей безопасностью. Замки обычные, даже без секретов. Ключ всего один, каких-то два оборота – и вот она, маленькая прихожая в весьма, надо сказать, большой квартире. Сразу у входа дверь в кабинет. Я знаю, что там для меня еще нет ничего интересного. Поднимись на мой уровень, и тогда мы с тобой сыграем. В твою кухню я лезть не буду.

Кстати, о кухне.

Шкаф с алкоголем на видном месте, и все бутылки открытые. Любишь виски, джин и коньяк. Ах, вот оно что. Целая стеклянная банка с пробками от игристого вина. Я нюхаю верхнюю – кисловатый запах, шампань пахнет не так, у нее есть сладкие нотки. Здесь только кислые. Значит, просекко или какой-то брют. Зачем тебе эта коллекция пробок? Я кладу одну пробку в карман, это мне пригодится.

Кровать в спальне не заправлена. Очень много подушек, наволочки разноцветные, я вижу это даже в темноте. За окном пасмурно, но светло, шторы блэкаут. У тебя проблемы с выработкой мелатонина, плохо спишь. Это я тоже учту. Я ложусь на простыню, трогаю подушку и вдыхаю запах. Вербена? Кажется, да. Интересно, это шампунь или гель для душа? Или два в одном?

Я захожу в ванную комнату. Удивительное дело – в такой большой квартире совмещенный санузел. Джакузи, душевая кабина и унитаз. Ну надо же, как странно. Вот это да! Целая полка косметических средств! Баночки с кремом, лосьоны для бороды и усов, очищающие тоники для лица и набор еще каких-то тюбиков, но не разобрать, для чего: все надписи на корейском. В душевой кабине я беру тюбик зубной пасты и кладу его на полку для полотенец.

Я решаю пока не оставлять в квартире вещь, лежащую в одном кармане с похищенной пробкой. Еще рано.

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

– Не брала я у нее никаких денег, – монотонно бубнила мадам, – она заставила меня написать расписку, угрожая битой, а я женщина пугливая.

– При каких обстоятельствах это произошло? – спросил я.

– Мы ехали с ней в машине, она предложила выпить в рюмочной. Я согласилась. Мы выпили. Потом поехали к пруду, чтобы искупаться. Было темно, в парке никого не было. Только мы.

– На какой машине была истица?

– На фиолетовом джипе, большая машина, в марках я не разбираюсь.

Судья замерла. До этого момента она занималась своими делами, что-то быстро строчила и ставила печати, почти не глядя на нас, а тут, услышав про необычный цвет автомобиля, замерла и подняла голову.

– Женщина на фиолетовом джипе сначала отвезла вас в рюмочную, а после – в парк, где достала ручку, бумагу и велела писать расписку, что вы получили от нее пять миллионов рублей, правильно? – уточнил я.

Мадам кивнула. Судья подняла брови.

– И при этом угрожала вам битой. Все так?

– Да.

– А вы обратились в полицию по этому поводу?

Мадам раздраженно вздохнула, на щеках выступил румянец.

– Нет, я не обратилась в полицию, потому что кто же мне поверит. Посмотрите на меня: я обычная русская баба, а она фифа. Ну, деловая очень, из блатных. Ее слово против моего. Разве ж по мне видно, что я пять миллионов у нее взяла и не отдаю? Разве ж видно, скажите, Ваша честь?

– Обращаться к суду необходимо «уважаемый суд», – произнесла судья. – Все-таки я не очень поняла, почему вы в полицию-то не обратились? Почему не заявили об угрозах?

– Так она не угрожала, – ответила мадам, – она заставила расписку написать.

– Уважаемый суд, у меня больше нет вопросов, – сказал я и сел.

Конечно, можно еще сильнее разрушить линию защиты ответчицы, но мне откровенно лень. Мадам все сделала сама. Предположим, все было так, как она говорит, но тогда отчего ж расписку написала, раз всерьез угрозу не восприняла? Ответ очевиден: ничего не было. На запрос «Как откосить от долговой расписки в суде?» гугл сразу же выдает такой ход: убедить судью, что деньги фактически не передавались, а расписка написана под давлением и угрозами. Сделать это непросто, потому что если угрозы в самом деле были, то о них следовало заявить в полицию в тот же самый день, а не когда вас уже в суд вызвали.

Судья еще уточнила некоторые детали у мадам, а потом ушла в совещательную комнату, чтобы вынести определение по назначению экспертизы расписки, которую мадам в упор не признавала. Точнее, она сказала, что действительно писала ее, но могла написать что угодно, потому что боялась биты обезумевшей Зои, да и в целом к настоящему моменту вообще забыла, что там написано. Я вяло заметил, что ранее ответчица признала, что ее жизни и здоровью ничего не угрожало. Короче, мадам просит назначить экспертизу, которая должна установить, что расписка написана в стрессе, а значит, ничего не доказывает и никакого долга нет, бла-бла-бла.

Кто будет платить непрофессиональному профайлеру двести пятьдесят тысяч рублей? Это не пять тысяч, не десять и даже не пятьдесят. А потом еще шестьсот тысяч, если удастся выполнить задачу. Офигеть же. Поймите меня правильно, я возбужден и взбудоражен, как детсадовец, не только из-за денег. Точнее, не столько из-за денег, сколько из-за того, что мне готовы их отдать за выполнение работы профайлера. Если бы речь шла о каком-то судебном деле, суперсложном, на несколько десятков миллионов, или в результате у кого-то бы образовалось право собственности на вещь, которой в природе раньше не существовало, то я взял бы эти деньги и был спокоен. Ибо это моя профессия, у меня есть диплом, соответствующий опыт, знания, навыки, и это подтверждается не только документами «государственного образца», но еще и картотекой судебных дел, отзывами клиентов... А профайлинг – мое хобби. Все, что у меня есть, – конспекты зарубежных лекций и научных статей, преимущественно выпущенных ФБР, переводные научпопы и тот знаменитый детектив про неумеху-профайлера. Это ненастоящая работа. А за нее готовы платить настоящие деньги. И немаленькие.

Могу ли я взяться за дело? Я даже сути его не знаю, потому что Диана ничего толком не сказала. Если, предположим, нужно по материалам реального уголовного дела что-то определить или помочь с бизнесом, то это одна история. А если дело еще на расследовании? Я верю в свои профессиональные навыки настолько, что могу взяться за дело и тем более рассчитывать на гонорар? О чем я вообще? Блин, даже в голове звучит бредом. Я же никогда не учился на

профайлера. Я только прочитал все, до чего смог дотянуться, и на том мои источники закончились. Разве это базис профессии?

– А как же я должна экспертизу эту оплатить? – взвизгнула мадам, прижимая маленькую ладошку к обширной груди. – Почему за мой счет? Это они на меня наезжают!

Голос мадам стал истеричным, с нотками рыка. Пока я был в мыслях, из совещательной комнаты – по сути, кабинета – вышла судья, облаченная в черную мантию с серебристым орнаментом на плечах, быстро-быстро зачитала определение, положила лист на стол и села.

– У вас есть вопросы? – спросила она у ответчицы.

– Да! У меня есть вопрос! Доколе вы будете защищать этих бандитов? Когда наша страна станет наконец свободной? Что это за закон-то такой? Откуда у меня деньги на этого вашего эксперта? Почему меня, честную женщину, притащили в суд и заставляют платить?..

– У меня нет вопросов, я посмотрю дату следующего слушания в картотеке, – быстро сказал я, улыбнулся и вышел из зала суда.

Рейс Москва – Пекин

4 мая 2018 года

Воздушное судно: Боинг 777-300ER

Крейсерская скорость: 905 км/ч

Время в пути: 7 часов 40 минут

Расстояние: 5803 км

Время вылета (московское): 04.05.2018, 11:50

Планируемое время прибытия (пекинское): 05.05.2018, 00:30

О том, что на борту кто-то умер, Вероника узнала одной из первых. Это случилось практически сразу после вылета из Шереметьево.

Рейс был дневным с быстрым угасанием – самолет летел против солнца, прямо во тьму. Когда летишь обратно, из Пекина в Москву, то обгоняешь солнце и как будто бы вылетаешь из мглы в светлое будущее. Примерно так она представляла себе эту поездку в Пекин – не по отношению к Китаю, конечно, а по тому, что ей предстояло там делать на протяжении двух с половиной недель. Блуждать во тьме прогностической конференции надвигающихся пандемий, надеясь на лучшее.

Едва самолет выровнялся, Веронике тут же заложило нос. Она знала, что будет дальше – если срочно его не «пробить», то через полчаса начнут «стрелять» уши, разноется голова и мир кончится. Вероника покопалась в сумочке, нашла назальный спрей. Рука нащупала упаковку со снотворным. Выпить, что ли? Провалиться в мягкий, ненавязчивый сон, в котором, как в перине, утонет добрая часть пути. Она задумчиво покрутила в руках стаканчик с водой, который ей любезно принесли. Улыбнулась рекламной надписи на боковой стенке стаканчика: «Даже в полете с нами не страшно!». Ох уж этот креатив страховых компаний! Ярче них только ребята из «Бургер Кинга». Она выколупала таблетку из блистера, но принять ее не успела, потому что по громкой связи объявили:

– Уважаемые пассажиры, к вам обращается командир воздушного судна. Если среди вас есть врач, просьба сообщить об этом бортпроводникам. Спасибо за ваше содействие!

В бизнес-классе не было ни одного врача, судя по тому, что никто не отозвался, и стюардессе пришлось войти в салон экономкласса. У нее были расстегнуты верхние пуговицы на блузе, пиджак перекошен, прическа сбита. Вероника затолкала таблетку обратно и подняла руку. Бортпроводница напряженно улыбнулась и попросила проследовать с ней на кухню.

Это помещение отделено от салона толстой темно-синей шторой, задача которой – не только скрыть от пассажиров все происходящее на кухне, но и заглушить разговоры экипажа. Сейчас там, кроме Вероники, находились один из пилотов и та самая растрепанная бортпроводница.

– Добрый день, вы врач? – спросил пилот.

– Здравствуйте, да. Меня зовут Вероника.

– Очень приятно, спасибо, что откликнулись. Я Павел, командир воздушного судна. Вы можете констатировать смерть на борту?

– Нет, не могу, – ответила Вероника, – вам же не хуже меня известно, что юридически человек не может умереть в полете. Даже если это на самом деле так, объявим на земле.

– Да, я это знаю. Я имел в виду, можете ли вы подтвердить, что человек умер? Мы обязаны проводить реанимационные действия вплоть до объявления смерти или передачи больного медикам на земле. Целесообразно ли?

– А где пациент? – спросила Вероника.

Перед ней стояли два вполне живых человека: бортпроводница и пилот, пышущий здоровьем, но с тенью озабоченности на лице.

– Там, – пилот кивнул головой в сторону кабины.

– Умер пилот? – спросила Вероника и почувствовала, как у нее моментально замерзли пальцы. Она знала, конечно, что пилотов в кабине двое, а на таком дальнем рейсе, возможно, летит еще и запасной в салоне. А если нет и второй погиб, как лететь-то будем? Справится командир в одиночку? Выглядит он слишком молодо и несолидно, ему, наверное, и тридцати-то нет. К нагрудному карману прицеплены очки-«авиаторы», которые ему в ночи ох как нужны. Одни понты.

– Нет, моя коллега, – тихо ответила бортпроводница. – Точнее, мы думаем, что она умерла.

– Показывайте.

– Конечно.

В маленький коридорчик упирались три двери: одна туалетная, другая вела в кабину пилотов, а за третьей, по всей видимости, была каюта. Бортпроводница потянула эту дверь на себя. Показались две полки, как в поезде. Как будто плакатную «боковушку» перекрыли дверью. Гроб что ни на есть.

На нижней полке лежала женщина в форме: белая блуза, синие пиджак, юбка и туфли на небольшом каблучке. Блузка на груди впопыхах расстегнута – видно, пытались делать массаж сердца.

– Ей стало плохо сразу после взлета, – объяснила бортпроводница. – Жаловалась, что очень кружится и болит голова. Она не смогла встать с кресла. Я помогла ей перебраться в каюту, потому что шторы открыты, пассажиры бы испугались. Как только она легла, сразу начало трясти. Будто лихорадка. Затем она потеряла сознание. Я начала ее прокачивать, но все без толку.

– А что из медикаментов вы ей давали?

– Ничего. Мы не имеем права вскрывать аптечку. Только врач может.

Освещение в каюте было очень плохим, не помогала даже лампа для чтения, она светила зачем-то вверх и никак не направлялась куда нужно. Вероника прижала пальцы к вене на запястье, потом на шее. Пульса нет. Кожа холодная. Дыхание отсутствует, но на такой высоте и с таким уровнем шума расслышать точно невозможно.

– У вас есть фонарик? – гнусаво спросила Вероника. От того, что она наклонилась над телом, нос вообще перестал функционировать.

– Да, вот, возьмите.

Вероника взяла фонарик, раздвинула мертвой – предположительно – бортпроводнице веки одного глаза, осветила на него, несколько раз резко навела-убрала луч. Повторила на втором. Глазные яблоки неподвижны. Зрачки на свет не реагируют.

– Когда вы поняли, что пульса нет?

– Минут пятнадцать назад, – сказала бортпроводница.

«Качать бесполезно, – подумала Вероника, – даже если и был шанс, то он давно упущен. Мозг умер».

– Почему не позвали раньше?

– Был взлет, мы не могли поднимать пассажиров. Я делала массаж сердца все это время, но безрезультатно. Она перестала дышать.

– Она умерла, – сказала Вероника. – Что дальше? Будем садиться?

Пилот, все это время молчавший, покачал головой.

– Если смерть наступила, то мы продолжим полет и сдадим тело в аэропорту Пекина.

Ольге уже все равно ничем не помочь.

– Разумно, – ответила Вероника. – Я вам больше не нужна?

– Спасибо за помощь, – сказал пилот и закрыл дверь в каюту с трупом.

Вероника гнала от себя мысли, что вина в смерти этой девушки – Ольги, судя по бейджу, – лежит на плечах бригады рейса. Похоже, у девушки случился инсульт, потому что было сильное головокружение и резкая головная боль, судороги. В отсутствие анализов и томограммы диагноз поставить невозможно, но Вероника была почти уверена, что произошла именно ишемия мозга. У Ольги был час, плюс-минус пятнадцать минут, на то, чтобы выжить. Массаж сердца бесполезен без лекарств. Если бы самолет развернули и посадили, то девушку можно было бы спасти. Они обязаны были запросить экстренную посадку и госпитализировать умирающую. Но они этого не сделали. Почему? Потому что вернуть самолет и поднять его снова – дорого? Потому что будут возмущения от пассажиров, потерявших стыковочный рейс в аэропорту назначения?

У Вероники разболелась голова. Внутренний ипохондрик тут же выставил диагноз: острое прединсультное состояние. Некоторые из врачей (и Вероника в их числе) – самые мнительные на свете люди, потому что в отличие от «немедиков» у них больше вариантов смертельных диагнозов на каждый симптом. А если симптом не один, а несколько, то и предполагаемые диагнозы разнообразнее.

«Это просто головная боль, – сказала себе Вероника, – просто головная боль, и все. Ты не брызнула в нос, вот и началось. Сейчас присоединятся уши. Давай-ка освободи дыхание, выпей таблетку от головы и заодно снотворное. И перестань думать о боли».

Она так и сделала. Едва пробило нос, она почувствовала неприятный запах, исходящий от кухни комфорт-класса, что был позади нее. Пахло так, как будто вместе с курицей и рыбой запекают кусок ковра. Бортпроводница привела себя в порядок, поправила прическу и приступила к обслуживанию как ни в чем не бывало. Любезно предложила Веронике меню, но та отказалась. Есть не хотелось. Она стала проваливаться в сон.

Ее разбудила аккуратная возня рядом. За иллюминатором было темно, в салоне тоже погасили свет. Когда Вероника засыпала, соседнее кресло пустовало, как и при взлете, а сейчас в нем уютно устроился парень-бортпроводник из салона комфорт-класса. Он был симпатичным, и даже большое родимое пятно на лице не сильно его портило.

– Я вас побеспокоил. Прошу прощения.

– Ничего страшного, я под снотворным и сейчас снова усну, – ответила Вероника. – Как понимаю, вашу каюту заняли.

– О нет, каюта – это для пилотов и старшего бортпроводника. Обычно мы занимаем свободные места в комфорт-классе. Этот рейс битком, есть только несколько свободных мест в бизнесе, поэтому я с вами.

– Рейс не из простых, – сказала Вероника. – Надеюсь, все худшее позади.

– Ой ли? Что будет после посадки, еще никто не знает. Боюсь, ничего хорошего.

Нос снова заложило, значит, она проспала больше двух или даже трех часов. Но узнавать не хотела – нет ничего неприятнее, чем думать, что прошла уже вечность мучительного полета, а на самом деле семь минут.

– Имеете в виду оформление тела? – спросила она, лениво ковыряясь в необъятном кожаном мешке под названием «дамская сумочка».

– Да, именно. Достанется всем. Каждый напишет по тому «Войны и мира» с объяснениями, будет усиленная переподготовка, повторный экзамен на оказание первой помощи. Повеет, если комиссия сделает вывод, что все было сделано правильно. А вот если нет, то и уволить могут.

– Ну, вам переживать не за что, вы ведь не в этом салоне работали, верно? И не являетесь старшим бортпроводником.

– Экипаж есть экипаж, – ответил мужчина, зевнул и повторил: – Достанется всем. Ну, вы спите, а то распугаете свое снотворное.

Вероника кивнула и укрылась пледом. Парня, по всей видимости, волновало не столько снотворное Вероники, сколько его собственные час-полтора на сон. Она прикрыла глаза, но все же спросила:

– Почему самолет не посадили? Ведь это кажется самым разумным. Пять минут – и мы были бы на земле. Сдали бы бортпроводницу и полетели бы дальше.

Он тихо ответил:

– Если бы мы сели, то включился бы протокол замены. Искали бы нового старшего, снова инструктаж, все это затянулось бы. В самолете куча людей, есть стыковочные рейсы, не говоря уже о расходах на взлет-посадку, новый эшелон... Авиакомпания понесла бы убытки.

– Сопоставимые с человеческой жизнью?

– Намного больше. Примерно раза в три. За смерть на борту родные Ольги получают компенсацию, может быть, в районе миллиона рублей. А возврат и задержка вылета могут совокупно обойтись под трешку.

Из кухни снова донесся неприятный запах.

– Неужели опять кормить будут? – спросила Вероника, не открывая глаз. Бортпроводник не ответил. Видимо, уже спал.

Будить его она, конечно же, не стала и собиралась сама провалиться в сон, но чертов мочевой пузырь приказал в срочном порядке встать и отправиться в туалет. Вероника тяжело вздохнула, стянула с себя плед, аккуратно протиснулась, стараясь не задеть ноги проводника, и направилась в туалет, что напротив каюты с трупом.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила та самая бортпроводница, увидев Веронику. Она сидела на откидном сиденье в кухонном отсеке и копалась в телефоне.

– Нет, спасибо, я в туалет.

– Хорошо. Если что-нибудь будет нужно, я к вашим услугам.

Это было очень мило.

Закончив свои дела, Вероника вышла из туалета и остановилась.

– Что это за запах?

– Вы о чем? – спросила девушка и убрала телефон.

– Пахнет... я не знаю, чем-то очень знакомым... – ответила Вероника и уточнила: – Вы что-то готовите?

– Нет, пока ничего. Вы хотите есть?

– Нет, я пытаюсь понять, что за запах...

Это был слегка горьковатый, тягучий запах, напоминал вкус фруктовых косточек, которые Вероника любила в детстве раскалывать и съедать нежную сердцевину. У бабушки в

Крыму росли персиковые деревья, и под закат лета Вероника с мамой и папой отправлялись туда, чтобы поплавать в море и поесть нежных фруктов. Тогда как раз начинался сезон, бабуля пекла пироги, а Вероника сидела рядом, колола косточки и ела сердцевинки.

– Откройте каюту, – сказала Вероника, чувствуя, как в глазах начинает темнеть.

– Что? Зачем?

– Откройте сейчас же.

– Я не могу, нужно спросить разрешение у командира.

– Так спрашивайте!

Бортпроводница кивнула, подошла к висящему на стене белому телефонному аппарату, взяла трубку и что-то тихо в нее сказала, выслушала ответ, повесила обратно и сказала Веронике:

– Вернитесь на свое место, пожалуйста. Когда пилот выйдет, я вас позову.

«Что же, – подумала Вероника, – теперь-то уж точно торопиться некуда».

– Хорошо, – ответила она.

Вероника вышла в салон, задержала за собой шторку, но к месту не пошла, а осталась стоять. Женщина в годах, сидящая в первом ряду, встревоженно посмотрела на нее, сняла очки и спросила:

– Дорогая моя, на вас лица нет. Что случилось?

Вероника хотела ответить грубо, очень грубо, потому что она злилась на себя. В такие минуты ей лучше под руку не попадаться. Как она могла так ошибиться? Чертов нос был заложен. Но кожные-то покровы она должна была исследовать и увидеть, что они не белые, не обескровленные, а розоватые, как будто девушка еще жива.

Но ответила она на удивление спокойно:

– На борту произошло убийство.

Глава третья

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

– Итак, три убийства, верно? Первое в Лос-Анджелесе, на земле. Тело найдено неподалеку от отеля, где поселился экипаж. Второе – в воздухе, старшую бортпроводницу отравили цианидом, тело сдали медикам только в Пекине. И третье убийство в Иркутске, тело нашли в подворотне в трехстах метрах от входа в гостиницу.

Я подытожил сумбурный рассказ Дианы. Она, не прекращая шмыгать носом, кивнула. Взяла стакан с чаем, который я ей любезно налил, и сделала два больших глотка.

– У меня скудный материал, – сказала Диана, – потому что ребята из профсоюза готовы предоставить полные данные только человеку со специальным образованием. То бишь тебе.

Вот тебе и раз.

– У меня нет специального образования, – возразил я.

– Я тебя с ними уже согласовала, – ответила Диана, цокнув языком. – У тебя хороший послужной список и профильное образование. Они бы и мне дали, но боятся, что я все опубликую от нечего делать. Такова уж журналистская слава.

– Когда мы сможем получить материалы? Мне надо взглянуть на место преступления. Хотя бы на снимках, потому что лететь в Лос-Анджелес, понятно, затратно...

Диана сделала еще один большой глоток чая и махнула рукой.

– У них денег куры не клюют, они и поездку в Лос-Анджелес оплатят, если нужно. Так что не скромничай. Главное – смыть пятно позора.

Я поднял бровь. Если верить Диане – а у меня пока нет оснований этого не делать, но очень хочется их найти, – то ее заказчиком выступает некий профсоюз авиационных работников, сокращенно – ПАР. Они убеждены, что пилот гражданских авиалиний, обвиненный в серийных убийствах стюардесс, невиновен. Они хотят сделать все от них зависящее, чтобы восстановить репутацию парня. Потому что среди сотрудников авиации просто не может быть психически больного человека – убийцы. Странный аргумент, если честно, ведь убийцей может быть вполне вменяемый и не страдающий психическим заболеванием человек. Да даже *серийным* может быть кто угодно: хоть пилот, хоть дворник, хоть президент страны.

Во время предварительного расследования и суда ПАР нанимал лучших адвокатов, частных сыщиков и консультантов, которые вытянули кучу денег, но добиться оправдания Павла Отлучного не смогли. Двадцать первого мая этого года суд признал Отлучного вменяемым и виновным в совершении трех убийств. Его приговорили к пожизненному лишению свободы. Сейчас ПАР пытается оспорить приговор в кассации, потому что апелляцию они уже провалили.

В принципе, я вполне мог бы ограничиться материалами уголовного дела и всем тем, что собрали коллеги по цеху в рамках защиты. Там наверняка достаточно снимков, протоколов с описанием деталей совершённых преступлений, чтобы на их основании я мог сделать какие-то выводы. А может быть, мне будет этого совершенно недостаточно. Я же вообще реальными делами с позиции профайлера никогда не занимался и понятия не имею, появится ли в моей голове после прочтения материалов хоть одна мысль, кроме: *«Ты мошенник и взял кучу денег, отдай немедленно, иначе тебя посадят»*.

По большому счету мне нужно «увидеть» преступление, понять его механику, и тогда я представлю, какими примерно психологическими характеристиками может обладать убийца. В этом вся суть профайлинга и состоит. Чем ближе к психотипу, тем ближе к злодею.

– Когда мы сможем получить материалы? – спросил я, чтобы переключить мозговой процесс на что-то более конструктивное.

– Хоть завтра, – сказала Диана и забросила в рот маленькую вафлю из принесенной с собой пачки. – Они ждут тебя с распростертыми объятиями. Их главная – дамочка с характером – названивает мне каждый день. Она обещала результаты расследования всем, даже Netflix. Хотя я не уверена, что они сейчас заинтересованы в русском продукте.

Сказав это, Диана закинулась еще вафлей и с кайфом ее сжевала. Хруст стоял убийственным.

– Как мило, – улыбнулся я. – Сценарий для документалки ты напишешь, надеюсь?

– Очень смешно, – скривилась Диана. – Вместе напишем. Так что, партнер, работаем?

Она протянула мне ладонь. Учítывая, сколько раз за день она трогала свой нос, я поднял руки и покачал головой. Диана сделала грустное личико.

– Дай мне эту ночь на подумать, – сказал я. – Утром я дам ответ. И если это будет «да»...

Повторюсь: *если это будет «да»* – то можешь назначать встречу с ребятами из профсоюза. Только не на завтра, у меня дело, которое не терпит отлагательств, и перенести его никак нельзя.

– Я пришлю тебе краткое резюме убийств, я внесла всех жертв в таблицу, сопоставила время, сделала предварительный анализ, чтобы ты...

– Нет-нет, я с этим материалом работать не буду, – сказал я. – Я должен все сделать сам. Твоя выборка может быть некорректной. Не обижайся. Нужны чистые материалы, без выводов.

– Хех! Интересно, где это ты независимый текст найдешь? В уголовном деле? Следствие его писало под конкретные выводы...

– Не беспокойся, я умею читать уголовные дела. Еще чаю?

– Нет, я, пожалуй, поеду домой. Вызываю такси. Спасибо за чай, и жду твоего звонка завтра прямо с утра. Не тяни кота за хвост, как проснешься – сразу звони. Окей?

– Окей.

Мы находились в моей съемной квартире. Да-да, я из тех людей, которые домом называют даже арендованное жилье. Юридически корректно будет сказать «нанятое», но мне не нравится это слово, оно похоже на «намятое», поэтому – арендованное. Мой дом там, где мои вещи.

Эту немеблированную квартиру я выбирал с любовью и тщательностью, на которые только был способен. Главное – повыше и чтоб из окон можно смотреть на город, потому что ночами я обычно не сплю, а пью чай с сигареткой на балконе и хочу любоваться прекрасным видом. Спальня и гостиная, санузел и гигантская кухня. Плюс еще одна небольшая комнатка (но с окном), где я обустроил рабочий кабинет. Судя по розовым изрисованным обоям, раньше это была детская, а сейчас все завалено моими бумагами и книгами. Тут мой рабочий комп и мини-колонка с «Алисой», которая послушно включает подкасты или музыку под настроение. Книжный шкаф купил в закрывающейся «ИКЕЕ», собрал и сразу же забарахлил под завязку: толстые книги на английском, в основном про профайлинг – труды Дугласа и Олшейкера, а еще тяжеленные кирпичи с текстами о судебной психиатрии, психологии и поведенческих исследованиях. Есть и рукописи, издания которых в бумаге найти не удалось, зато я смог купить электронные версии, распечатал, переплел в копировальном центре как диссертацию, и теперь они стоят на полке с кучей разноцветных закладок. Еще сейф и офисные папки с личными документами. Особый предмет гордости – письменный стол. Столешницу из цельного куска дерева, залитого смолой, мне привезли из Абхазии, металлические ломаные ножки прикрутил мастер с YouDo. Такой огромный и только мой стол! Больше мебели в кабинете нет. В гостиной – диван и кадка с высоким фикусом, у стены – комод для разных мелочей. Вся

мебель нейтрального черного цвета, без узоров. В спальне у меня платяной шкаф, гигантский, с кучей плечиков и ящичков, битком набитый шмотьем. И просторная двуспальная кровать с ортопедическим матрасом.

В кухне, где мы сейчас сидим с Дианой, кроме хозяйского добротного гарнитура из цельного дерева есть еще стол и четыре стула с мягкими спинками.

После нашей тесной однушки, где мы жили с моей женой Жанной, эта квартира была просто хоромами. Но, как оказалось, уставлять ее мебелью вдоль и поперек мне совершенно не хотелось.

Кому-то из друзей здесь кажется пусто и неудобно, особенно подругам, они вечно что-то хотят мне принести: то цветок, то тумбочку прикроватную, то коврик, то пуфик, – но я от всего отказываюсь. Дело не в том, что мне лень ухаживать за этими вещами. Нет, они мне не нужны. Если бы я мог жить вообще без мебели, я бы сделал это.

Любая вещь вызывает зависимость. А я очень падок на зависимости. И порой это кончается очень плохо.

Ночь прошла ужасно.

Ворочался, пытаюсь сообразить, отчего сразу не отказался от предложения Дианы, почему всерьез его рассматриваю. Ответ мне найти не удалось, и я стал думать, что будет, если я соглашусь и облажаюсь. Конечно, я могу подстраховаться договором – юрист я или где? Напишу, что я оказываю только консультационные услуги в рамках своей экспертизы, не подтвержденной никакими дипломами или сертификатами, ничего не гарантирую и могу ошибаться. Этаким договор с гадалкой.

А что с репутацией-то делать? Вдруг обо мне начнут распускать слухи? Как в этом случае я буду их отбивать? Публиковать везде договор, в котором было сказано, что я не профайлер, а гадалка, так чего же вы хотите, люди добрые? Бред. Чистой воды бред.

Если в эту историю идти, то идти серьезно, с гарантиями. Чтобы самому было стремно обоссаться. Или надо отказываться.

Было уже около трех часов утра, когда я принял для себя решение и заснул абсолютно несчастным.

Проснулся в восемь разбитым, уставшим и с дикой головной болью. Мозги совсем не варили – обнаружил зубную пасту на полке с полотенцами и никак не мог вспомнить, зачем я ее туда положил. Что-то хотел себе напомнить? Постирать полотенца? Купить еще тубик, потому что кончается запас? Так и не сообразил.

Вместо завтрака выпил таблетку обезболивающего, собрался и поехал по своим неотложным делам.

Один раз в месяц я дежурю в юридическом бюро «Правовая помощь населению», которое осуществляет свою деятельность за счет пожертвований. С клиентов, которые приходят в бюро, денег не берут. Адвокаты и юристы, ведущие прием, ничего не зарабатывают, это в чистом виде рго вопо. Попал я сюда, когда предыдущий работодатель закрыл свой адвокатский кабинет.

Я рассматривал вариант устроиться юристом в какую-нибудь компанию, но узнал размер зарплаты и понял, что нет, не подходит. Заключать типовые договоры или открывать-закрывать фирмы и бесконечно переписывать устав у меня желания не было. Тем более за одну такую операцию частником можно взять месячную зарплату, которую предлагают в компаниях. Но клиентов-то надо найти, верно?

Так я пришел в «Правовую помощь населению» и очень быстро понял, чего тут ошиваются даже известные адвокаты: это же лучшая реклама, какую не сыскать. У бюро есть определенные категории услуг, которые можно получить бесплатно, в самых критичных и важных ситуациях – документы, иски, консультации. Вот без которых жизни нет. А есть вещи, которые можно сделать только за деньги: это все те же документы, иски и консультации, но их цель –

улучшение качества жизни клиента. В первом случае решается вопрос жизни и смерти, а во втором вопрос смерти уже не стоит, но качество жизни можно улучшить. Первое – бесплатно, второе – за деньги. Нормальный адвокат-продавец раскрутит клиента, особо не напрягаясь. Достаточно сказать, что дело бесплатно решается так, что зубы у вас будут, но пластмассовые, а вот чтобы керамические, надо доплатить. Ну, вы поняли, как это работает.

Короче, я старался поступать так же, но ни фи́га у меня не получалось. Люди уходили от меня с решенными вопросами, в моем кошельке оставалось ноль рублей. Ну не продавец я. Не умею впаривать. Остатков накоплений у меня хватило на месяц такой работы, и я потихоньку стал поглядывать на сторону – что делать-то? Работа нужна.

И тут посыпалось.

Люди, решившие проблемы с моей помощью бесплатно, активно стали советовать своим друзьям и знакомым прекрасного юриста. Те приходили, и большая часть из них получали помощь уже за деньги, потому что не у всех были дела, попадающие под бесплатные категории. Клиентская база росла.

Постепенно я стал отходить от работы в бюро и хотел уже совсем забросить, но вдруг понял, что не могу. Что-то держало. Что-то заставляло меня хотя бы раз в месяц прийти в офис на Сретенском бульваре, в это маленькое уютное здание, взять на ресепшен табличку со своим именем, повесить ее на дверь кабинета и пригласить первого в очереди посетителя, чтобы выслушать его проблему и придумать, как ее решить. Не знаю до сих пор, что меня сюда тянет.

На улице было мерзко, лил дождь, дул ветер. Я бежал от метро до офиса, прекрасно осознавая, что первую часть дня проведу во влажной одежде, и ничего не поделаешь. Даже запасной рубашки нет.

Светик, наш главный администратор и распределитель боли, выдала мне стакан с кофе, листочек с перечнем записанных на прием граждан и табличку с моим именем. Первый посетитель у меня был назначен на 10:30 утра, некая Спиридонова Людмила Евгеньевна, 54 года, дело о незаконном лишении выплат по страховке. Тут бабка надвое сказала: если речь о зарплате или компенсации за жизнь и здоровье, то дело бесплатное, а если какой-то другой страховой случай, то уже за деньги.

В бюро два этажа: первый – для уголовных адвокатов, второй – для адвокатов и юристов, работающих с гражданскими делами. Мой кабинет был в торце здания на втором этаже, его занимали я и еще пять юристов, которые работали в бюро не постоянно, а несколько раз в неделю или как я – раз в месяц. Возле кабинета на стульчике сидела приятная на вид женщина, в аккуратном сером пальто, с береткой на голове. Она увидела торопящегося меня, встала и улыбнулась.

– Доброе утро, – сказал я ей. – Вы Людмила Евгеньевна?

– Доброе утро. Да, это я, – ответила она.

– Дайте мне минуту, я вас приглашу.

– Спасибо.

Я вставил табличку в рамку на двери, зашел в кабинет. Так и знал, что Миша не уберет за собой и тут будет бардак. Как его можно устроить на пяти квадратных метрах? Ну, Миша всегда умудрится. Три коробки из-под «Додо Пиццы» в углу. Судя по запаху, все были с салями. Переполненное банками из-под «Добрый кола» мусорное ведро, засыпанный пеплом подоконник – Миша курит прямо в кабинете, выдувает в форточку. В итоге тут воняет как в пепельнице. Первым делом я открыл окно. Потом достал из портфеля черный мусорный мешок, свалил в него все, что нашел, включая несколько бутылок из-под пива, которые Миша запрятал в шкаф. Прошелся влажной салфеткой по поверхностям – стол, тумба, сиденья двух стульев напротив моего стола, подоконник. Выгрузил из портфеля свой ноут, записную книжку, флакон с ванильным диффузором и деревянные палочки. Огляделся. Вроде бы все готово.

– Заходите, Людмила Евгеньевна, – сказал я, выглянув в коридор. Женщина вошла в кабинет. Я показал ей на стулья у стола. – Садитесь на любой. Мне еще минута нужна, отнести мусор, и я вернусь к вам.

Я бегом спустился на первый этаж, вручил Светику пакет, забитый под завязку.

– Вот ведь жук этот твой Миша, – сказала Света. – Я спросила у него вчера, убрался ли он в кабинете. Он сказал, что ты будешь доволен. В какой раз меня проводит! Надо было подняться вместе с ним и выбить из него все дерьмо!

Щеки у нее запунцовели. Света отвечала в бюро буквально за все.

– Ну вот такой он человек.

– Витя, прости меня. Больше я ему на слово никогда в жизни не поверю!

– Хорошо, не расстраивайся ты так! Я побежал.

– Хорошего дня! Я принесу тебе еще кофе!

– Спасибо, не откажусь!

Я вернулся в кабинет, закрыл за собой дверь и сразу же – окно. Кажется, сигаретами еще пахло, но не так сильно, как до проветривания. Сладковатый аромат ванили уже плыл по комнате. У Людмилы Евгеньевны все было готово: на столе лежали папки с бумагами и пухлая записная книжка.

– Я много что забываю, поэтому записала вопросы, – сказала она. – С чего начнем?

– Я знаю, что вы заключили договор с бюро, когда записывались на прием. Но все же давайте я расскажу вам, какие услуги бюро оказывает...

Я рассказал вкратце, выдал брошюру, где написано, что бесплатно услуги оказываются в том объеме, который позволяет спасти ситуацию. Чтобы получить какие-то улучшения, привилегии и тому подобное, нужно оплатить дополнительные часы работы. При этом клиент вправе отказаться от платной помощи, обратиться к другим юристам и все такое. Людмила Евгеньевна кивнула, пролиставла брошюру и положила себе в сумочку.

– Теперь можно начинать, – сказал я. – Что у вас случилось?

В квартире Вити

Я снова не оставляю вещь из кармана в твоей квартире. Все еще рано.

Но на этот раз мне требуется сделать кое-что очень специфическое, очень важное для тебя.

Я фотографирую каждую бутылку с алкоголем, поворачивая ее этикеткой к камере, чтобы уровень жидкости был виден. После фотосессии я не отворачиваю бутылки как было: во-первых, потому, что у меня нет заранее сделанного снимка с их расстановкой, а во-вторых, потому, что ты все равно не заметишь.

В шкафу я ищу нижнее белье. Нахожу – целый ящик, трусы свернуты и плотно утрамбованы вдоль боковой стенки. Я смотрю каждую пару (на моих руках перчатки): все марки Lacoste, исключая одни-единственные, темно-синие с красным поясом, они фирмы Тотту Hilfiger. Этим трусам здесь не место, совсем не место. Я выбрасываю их в мусор. Это оказалось не просто – у тебя стоят четыре контейнера. Ответственно, однако. Только как понять, где что? В торговых центрах есть надписи, а в твоей кухне, понятное дело, никаких надписей нет. Приходится вглядываться. Пристраиваю трусы в крайний правый контейнер, где лежит бутылка из-под игристого вина.

В спальне я кладу под подушку сухой лепесток белой лилии.

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

– Ты понимаешь, что это давление, Диана? Ты не даешь мне нормально принять решение!

Я старался говорить спокойно. Диана вздыхала в трубку. Это все было спланировано заранее. Едва услышав, в чем именно состоит проблема моей клиентки, я прервал ее и сказал, что мне нужно позвонить.

Клопоча от ярости, спустился вниз, спросил у Светы, когда Людмила Евгеньевна записалась на прием. Света проверила дату и сказала, что три дня назад. Диана заранее предполагала, что я, скорее всего, откажусь. И подготовила запасной вариант. Это просто преследование какое-то! И оттого пугает. И немножечко восхищает.

– Я не давлю, я показываю тебе перспективы, – сказала она. – Вот это дело так же щедро оплатит ПАР. Ты же понимаешь?

Я выдул огромное облако дыма и снова затянулся.

– Я понимаю, что ты затеяла игру, в которую я не хочу играть. Я взрослый человек, Диана. А ты устраиваешь цирк.

– Ну, давай, взрослый человек, сделай свою работу, – сказала Диана. – Человек легально пришел к тебе на прием, записался. Ты ее развернешь?

– Кажется, ты говорила, что у ПАР нет профайлера. А вот юристов, по-моему, как говна за баней. Найдут Людмиле Евгеньевне другого. Все, не звони мне больше. Мой ответ – «нет».

Я положил трубку, выбросил окурочек в урну и вернулся в бюро. Нет, связываться с таким игроком я точно не хочу. Диана будет и дальше так же поступать, чтобы добиваться своего. Неплохое качество, наверное, но мне не подходит.

Света встретила меня встревоженным взглядом и стаканчиком кофе в руке. Я взял его, поблагодарил и пошел на второй этаж.

Людмила Евгеньевна говорила по телефону.

– Все, моя дорогая, я вынуждена с вами распрощаться. Я все поняла, я все сделаю. Все, все, все.

Она близоруко прищурилась, нажала на красную кнопку. Я успел увидеть, что разговаривала Людмила Евгеньевна с Дианой Соловьевой.

– Ну что, Людмила Евгеньевна, – сказал я, – не смею вас больше задерживать. По вашему вопросу вам окажут помощь в профсоюзе, у них достаточно компетенции и полномочий. . .

– Я знаю, мой дорогой, я все знаю, – сказала она. – И также знаю, что наш поступок был очень некрасивым. И я не могу сказать, что у меня безвыходная ситуация, совершенно нет.

– Верно, – ответил я, – и, записавшись на прием, вы лишили кого-то возможности решить свою проблему. Люди сюда приходят, чтобы получить помощь, когда они оказались в очень тяжелом положении. Помощи профсоюза им не видать. А на адвоката денег нет. Диана заигралась.

– А я ей помогла, – ответила Людмила Евгеньевна. Вид у нее был удрученный: кажется, до нее начало доходить, что игра Дианы зашла слишком далеко. – Я скажу последнее и сразу же уйду. С вашего позволения.

Да чтоб вас!

– Я позвоню нашему администратору и, если нет живой очереди, выслушаю вас.

Я набрал Свете. Она сказала, что в живой очереди есть один человек, но его уже забирает освободившийся раньше времени адвокат. Я попросил Свету сообщить мне, если кто-то придет вне очереди.

– До конца консультации есть полчаса. Если придет кто-то, я попрошу вас уйти. Хорошо?

– Да, спасибо, я вас поняла.

Лицо у нее напряглось, словно она готова в любую секунду исчезнуть с лица земли. Мне стало ее жаль. Она не выглядела ни интриганкой, ни манипуляторшей. У нее действительно есть проблема. Вот только вместо реальной помощи Диана воспользовалась ею, чтобы надавить

на меня. Людмила Евгеньевна, возможно, даже не поняла, как оказалась втянута в авантюру. Но при этом она не глупа, чтобы отрицать свое участие.

А что чувствует она? Я попытался представить ее чувства, и мне стало стыдно.

Втягивать ее в наши с Дианой разборки – жестоко, у этой женщины есть настоящая боль. Наша задача вообще-то ей помочь, а не прибавить еще и чувство вины.

– Людмила Евгеньевна, простите нас с Дианой. То, что произошло, – совсем не ваша ответственность. Вам нужна реальная помощь, расскажите мне, что у вас случилось, и я подумаю, что могу сделать.

После моих слов Людмилу Евгеньевну, кажется, отпустило напряжение – ее лицо немного расслабилось, она быстро скрестила пальцы и прижала их на мгновение к груди, а потом раскрыла папку и выложила на стол резюме, скачанное с сайта по поиску работы. В заголовке было написано: «Ольга Спиридонова».

– В моем возрасте уже не так хорошо ладишь со всеми новыми штуками, но я изучила сайт, на котором можно следить за рейсом, и каждый рейс Оленьки отслеживала. Она мне писала номер, я его вбивала на сайте и видела. У нас же с ней никого больше не было, только мы заботились друг о друге. Я всегда следила за ее перелетами. Вот моя доченька взлетела, вот села, все хорошо. И в тот день самолет сел в половину первого ночи по Пекину, у нас это половина восьмого вечера. Я ждала сообщение от Оленьки, она всегда писала после посадки – как только выводят пассажиров, так сразу ко мне приходило сообщение или даже видео из самолета. Но в ту ночь ничего не пришло. В десять я начала ей звонить. Я звонила, звонила, звонила, никто трубку не брал. Я не переставала набирать, уже чувствуя, что что-то произошло. Я чувствовала это. Знаете, как будто все внутренности превратились в холодный камень. И наконец трубку взяла ее напарница, я ее немного знаю, и сказала мне, что Оли больше нет. Она не хотела сама сообщать, ждала, что это сделает авиакомпания. Те позвонили мне только утром, пригласили в офис, чтобы начать обсуждать какие-то дела. Простите, мне нужна минута.

Людмила Евгеньевна стала неловко доставать платок из сумочки. Плакала она давно, но слез долго не замечала, до тех пор пока они не стали капать на сложенные на коленях руки. Такое бывает, когда много плачешь, – лицо уже не раздражают ни капли, ни ручейки. Четыре года для такого горя – не срок. Я выдвинул ящик стола, вытащил коробку с салфетками, поставил возле женщины. Она кивнула, взяла одну и промокнула глаза и руки.

– Когда я приехала в офис, мне сказали, что возбуждено уголовное дело из-за подозрения, что Олю отравили. Тогда мы еще ничего толком не знали, не понимали, а на самом деле Оля была второй. Может быть, в авиакомпании уже кто-то стал подозревать, что это серийное убийство, но мне тогда ничего такого не сказали.

– Но все же проговорились, что Ольгу отравили? – уточнил я.

– Нет, не так, – ответила Людмила Евгеньевна. – Было сказано вроде: «Есть подозрение, что Ольга могла отравиться». Понимаете? Сама отравиться. Умышленно или нет – черт его знает. Они подозревали, что она либо сама приняла какой-то яд, либо случайно чем-то отравилась. Авиационная безопасность, конечно, у нас на уровне, но самолет – очень опасная штука. Там куча химии, и утечка может умертвить мгновенно. Зачем им паника, что на борту такой уважаемой компании можно получить дозу смертельного химиката? В общем, пока доставляли тело, пока шла экспертиза, минуло два месяца. Я похоронила дочь уже после того, как в июне нашли третью девушку, из Иркутска. Представляете? Два месяца.

– Я очень вам соболезную, Людмила Евгеньевна. Мне очень жаль.

Она кивнула и попыталась улыбнуться, но слезы все еще мешали. Мне было жалко ее так, что разрывалось сердце. С кем она осталась?

– Примерно через полгода арестовали пилота Павла Отлучного. Конечно же, я ничего про него не знала, потому что у них там не принято дружить бортпроводникам с пилотами, и работают они в одной бригаде нечасто. Даже так: редко может совпасть. Это ведь необычная

работа, там нет постоянных коллег, нормального режима дня, нет графика. Оля знала свою жизнь буквально на два-три дня вперед. Ничего не могла спланировать, потому что в любой момент ее могли вызвать. Единственное, где бортпроводник подвластен себе, – отпуск да больничный. Вот там да, полная свобода и контроль. А во всем остальном ты подчинен только авиации и ее воле. Ну, меня куда-то отнесло, прошу прощения... Я говорила про пилота. Мы про него ничего не знали. Мы – это родители тех девочек. Мы и сейчас дружим, стараемся друг друга поддерживать. Нас познакомили в профсоюзе, когда открыли дело по компенсации – авиакомпания ведь никому ничего не выплатила, потому что смерть наших девочек наступила не в результате несчастного случая или по вине авиакомпании, а потому, что кто-то умышленно их убил. Компания не видит в этом своей вины. А платят они только тогда, когда дело касается именно авиационной направленности: ухудшение здоровья в связи с осуществлением полета, несчастный случай на борту, травмы из-за турбулентности, аварии. Ничего этого не было. Просто так совпало, что погибшие – бортпроводницы.

– Странный подход, но, думаю, оспоримый.

– Мы над этим только сейчас стали работать. Все пытались понять, что же на самом деле произошло, и так и не поняли. Понимаете, Виктор, кажется, что Павел Отлучный не преступник. Кажется, не он убил наших дочерей.

– Почему вы так думаете? – спросил я.

– Я не могу вам сказать, – ответила Людмила Евгеньевна, – не могу до тех пор, пока вы не возьметесь за дело.

– Почему?

– Потому что как только об этом станет известно, то в опасности окажется очень много людей. Если мы правы, то убийца на свободе. Если он поймет, что мы знаем, он снова возьмется за яд. Только на этот раз тремя случаями мы не отделаемся. Нам очень нужна ваша помощь, Виктор. Без вас не справимся.

Расшифровка интервью

Москва, дата записи: март 2023 года

– На волне бесчисленных публикаций в СМИ по поводу так называемого «Дела пилота» мы все заинтересовались этой темой именно с практической точки зрения: как увидеть эти приметы маньяка? Куда смотреть? Примерно все значимые СМИ – от бизнес-журналов до глянца – написали про признаки, дали кучу разных классификаций, и мы получили то, с чем совершенно не можем справиться, – море информации. Я понимаю, что все непросто, дело касается людей... Маньяки ведь люди. Но вы можете как эксперт – думаю, ни у кого больше не осталось сомнений в этом, – дать нам емкие рекомендации?

– Мой ответ вам не понравится, но я все равно скажу. Информации на самом деле много, классификаций серийных убийц тоже немало, но все это в практическом поле для людей бесполезно. И проблема как раз в том, что вам предлагается объять необъятное и изучить каждый тип маньяка. А их выделено очень и очень много.

– А вот почему их так много? С чем это связано?

– Все зависит от предмета, положенного в основу разделения. Ну, например, как можно классифицировать мам? Можно по количеству детей. И тут условно будут мамы с одним ребенком, двумя-тремя и более трех. Вот вам три вида мам. Можно по полу детей (опять условно) – однополые, разнополые. Можно по составу семьи – замужем, не замужем. Что положишь в основу, то и разделит группу минимум на две части, а то и больше. А основу эту выбирают для какой-то цели: например, делят мам по полу их детей, чтобы понять, кого надо расселить в квартиры с изолированными комнатами, потому что разнополые дети не могут жить в одной

комнате. То же самое и с серийными убийцами: по способу – отравители, стрелки, насильники и так далее. Такую классификацию сделали, чтобы создать некий криминалистический скрипт расследования преступлений, совершенных определенным способом. С практической точки зрения это позволяет проводить следственные действия более качественно – не искать оружейную гильзу там, где убийца орудовал ножом. Это я упрощенно. Еще разделяют преступников по мотивам: миссионеры, визионеры, гедонисты, тираны. Это разделение, помимо прочего, помогает выработать рекомендации для потенциальных жертв. Если вернуться к примеру с мамами, то у каждой представительницы своей группы по каждому классификатору будут свои признаки, но вы же не конкретный тип мам ищете, вы ищете маму среди женщин.

– *Вы хотите сказать, чтобы распознать маньяка, нужно искать не их различия между собой, а их отличие от других людей, верно?*

– Всё так. Классификация серийных убийц важна для криминологов и криминалистов, это служебная информация, которой зачем-то забывают головы людям.

– *Ну, это как раз понятно зачем. Тема хайповая, каждый пытается исследовать что-то и выдать результат. А в итоге плодится куча бесполезной информации.*

– Поэтому мы пойдем путем, который поможет нам с вами ответить на вопрос: как распознать маньяка среди обычных людей. Для этого нам все же потребуется классификация, но не такая обширная. Мы разделим их всего на две группы, поскольку представители каждой сильно отличаются. Все остальные классификации уровнем ниже, это подгруппы, и их различия уже не так важны для наших целей. Итак, серийные убийцы бывают организованные и неорганизованные. Начнем со вторых. Этим людям очень легко распознать: как правило, это психически нестабильные люди, чаще слабоумные. Они не следят за собой, за своим жилищем, они почти наверняка нигде не работают и живут за счет государства или родственников. Большая их часть состоит на учете в психдиспансере. Внешний вид неопрятный, с расческой не дружат, носят одну и ту же одежду, не обращая внимания на ее чистоту и вид. Злоупотребляют алкоголем или наркотиками, особенно в постпреступный период.

– *Вы описали человека, который очень сильно выделяется. Думаете, есть шанс не заметить его?*

– Конечно. Такой человек контрастирует с другими людьми, однако он таким был всегда. Люди, хорошо его знающие, не видят в нем чего-то особенного. Он для них неизменен. Предположим, если человек всегда был опрятным, следил за собой и не выделялся никак, а потом вдруг стал другим, то здесь насторожатся все. Но так не бывает с неорганизованным серийным убийцей: он всегда был таким, понимаете? К нему все привыкли и на фоне его прежних странностей не видят новых. При этом в данной категории очень много людей, которые не являются серийными убийцами. В мире существуют психически нестабильные люди, которые не опасны для других и для самих себя.

– *И как же отличить опасного от неопасного?*

– По тому, как он изменился. Мы можем увидеть это в двух проекциях: когда он собирается нападать и когда он уже совершил преступление. В остальные периоды такой человек в принципе подвержен маниям, может бубнить себе под нос, но ровно так же делают и другие психически нестабильные люди. Если вдруг удастся увидеть его именно в такой период, который длится по-разному, но все-таки составляет незначительную часть времени от «обычной» жизни, то, проявив наблюдательность, можно отметить, что он выбирает жертву, а не соперника. Поэтому он будет пытаться подавить ее волю, будет уговаривать, запугивать, в общем, делать все, чтобы ему подчинились. При этом в момент разговора он будет пытаться продумать ближайший план действий, он будет замышлять. Его мозг подвергнется большой нагрузке, глаза будут бегать, пытаясь найти укромное место, голова будет занята предвкушением процесса нападения, в крови зашкалит адреналин. Ему будет сложно вести коммуника-

цию, и какой-то неожиданный вопрос – например: «Где вы покупаете сыр?» – введет его в ступор. Если он и ответит, то с большим трудом. И, возможно, невпопад.

– *Что делать в такой ситуации?*

– Все индивидуально в каждом конкретном случае. Но общая рекомендация – сделать все, чтобы не остаться с ним наедине. Если ситуация позволяет, то достать телефон и позвонить маме, подруге, другу – лучше, конечно, мужчине. Сказать, что вот познакомилась с парнем в парке, говорит, его зовут Андрей, рост примерно 180 см, вес 80 кг, куртка такая-то, джинсы синие, почему-то грязные. Если он уже проявляет агрессию, то блефовать: вас должен встретить ваш брат, муж или друг и вы бы хотели их познакомить. Он сейчас уже должен подойти, вообще-то... Начать оглядываться, высматривая его. Это все может спугнуть злоумышленника.

– *А средства защиты? Газовый баллончик? Электрошокер?*

– Оценивайте свои силы. Напасть на психически нестабильного человека может быть чревато. Это может его спровоцировать. Избегайте плохо освещенных безлюдных мест, особенно в вечернее и ночное время суток, эта рекомендация актуальна как никогда. Неорганизованный серийный убийца совершает преступление спонтанно, необдуманно, заранее не готовится, но до дела доходит при условиях, позволяющих ему сделать вывод об относительной безопасности. Поэтому, выбирая тактику поведения, исходите из этих вводных.

– *Как я понимаю, в случае с «Делом пилота» речь идет о другом типе серийного убийцы.*

– Абсолютно. В отличие от неорганизованного маньяка с психическими отклонениями и низким уровнем интеллекта, здесь мы имеем дело с человеком собранным и очень умным. Если говорить о конкретной персоналии в «Деле пилота», то речь идет об организованном преступнике. О гении.

Глава четвертая

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

Офис профсоюза авиационных работников располагается на Лесной улице. Чтобы туда попасть, надо выйти из станции метро «Белорусская» Кольцевой линии, повернуться спиной к Белой площади и храму Николы Чудотворца, пройти прямо через дорогу – и вот оно, песочно-бордовое семиэтажное здание. Судя по табличкам у входа, помимо ПАР здесь еще штаб врачебно-летней экспертной комиссии и расчетно-кассовый департамент авиакомпании «Победа».

Приехал я на машине, припарковался на городской парковке неподалеку от бизнес-центра «Белые Сады» и прошел пешим маршрутом от метро до офиса ПАР.

Я волновался и поэтому умудрился за столь короткий забег выкурить аж две сигареты.

В девять утра возле входа в офис меня встретила Диана, и мы поднялись на четвертый этаж. У выхода из лифта нас ожидала молоденькая девушка Александра, предложила нам чай, кофе, воду и, получив заказ на два крепких черных кофе, проводила к кабинету председателя ПАР.

Соня Ребенок (ударение на последний слог) – девушка бойкая и деловая. Она едва ли старше меня, наверняка имеет за плечами опыт стюардессы, потому что ее внешность идеально подходит под типаж: длинные ноги, шикарные каштановые локоны и стройная фигура. Только под конец встречи я понял, что вместо левого глаза у нее протез, потому что двигался он не синхронно с правым. Видимо, это и стало причиной «списания на землю». Хотя это все могут быть мои домыслы – почему бы девушке с эффектной внешностью не поменять небо на офис без причины?

Так, я отвлекся от сути.

Мы только-только познакомились с Соней и уселись в ее просторном кабинете, как она взяла быка за рога: пододвинула ко мне две стопки документов – NDA (Non-Disclosure Agreement, соглашение о неразглашении информации, переданной в ходе сотрудничества) и договор об оказании консультационных услуг по профайлингу. В кабинет вошла Александра с двумя чашками кофе.

Из вежливости я пролистал бумаги, стараясь не выдавать волнения, хотя руки подрагивали. Во мне боролись две натуры. Одна требовала схватить ручку и тут же все подписать, чтобы уже наконец приступить к работе, а другая нудела, что грамотный юрист просто обязан перечеркнуть каждый лист, каждую формулировку и букву, потому что написано все убого. Хорошо, что имелось основание отказаться от подписания документов сейчас, поскольку я все еще толком не знал, что от меня требуется.

Соня мои аргументы услышала, отодвинула распечатанные договоры в сторону и пояснила:

– Ваша задача – найти доказательства невиновности Павла Отлучного. И это должны быть любые доказательства. Наши детективы перерыли все вдоль и поперек, ничего полезного они обнаружить не смогли, оспорить обвинение нам нечем. Наши западные консультанты сказали, что есть еще один путь, профайлинг. Мы обратились к их экспертам, однако они отказались взять дело, потому что для этого у них недостаточно локального опыта. Как они выразились, у них недостаточно знаний русской души для такой работы, что бы это ни значило. Я

думаю, дело в том, что профайлинг-эксперты в основном американцы, которые не очень хотят работать на российском рынке. Импортозамещение как оно есть. В общем, нам нужно, чтобы вы нашли что-то, за что мы сможем зацепиться и достать Пашу из тюрьмы.

– Диана сказала мне, что у вас есть адвокаты, детективы... Неужели они не разъяснили вам, что моего профайла будет недостаточно, чтобы отменить приговор?

– Разъяснили, – ответила Соня. – И при этом мы понимаем, что совокупность доказательств может сыграть существенное значение. Не обязательно сыграет, но может! Мы посмотрим, что можно сделать, когда вы что-то найдете. Вы читали Майка Омера?

– Читал.

– Вот, и я тоже. Я считаю, что надо сделать то же самое. Мы должны дать следствию реального преступника и убедить их, что, пока Паша сидит в тюрьме, никому лучше не становится. Убийца на свободе, он продолжит убивать рано или поздно. Его надо поймать, вот он. А Пашу надо отпустить.

Ну, логика понятна. Только есть вопрос.

– Соня, может быть, Диана вам уже говорила, что в России такого метода, как профайлинг, в криминалистической науке нет. Однако в сфере авиационной безопасности есть. И вам наверняка это известно.

Для меня это было шоком: когда я только-только стал изучать профайлинг, то искал информацию в русской литературе по криминалистике, оперативно-разыскной деятельности, поведенческой психологии и везде утыкался в «проблемы применения», да «почему у нас этого нет», и «чем можно заменить». И все это – научные статьи разной степени грамотности, но ни одного учебного пособия. Совершенно неожиданно я обнаружил полноценные учебники по тактике профайлинга на воздушном транспорте. Там не статьи и методички, а целые учебники, посвященные выстраиванию работы профайлеров, распознаванию террориста в толпе, обнаружению смертника, предотвращению преступления – и прочее, прочее, прочее. То есть гражданская авиация, тесно сотрудничающая с иностранными партнерами, затянула в себя профилирование. А следствие – нет.

Соня скептически улыбнулась.

– Верно подмечено. И мы, естественно, первым делом сходили к нашим спецам-профайлерам. Я знаю одного директора департамента профилирования, он мне разложил на пальцах: профилирование в безопасности и криминалистический профайлинг – вещи разные. Они не могут нам помочь.

Ну безусловно, разные. Хорошо, что Соня это понимает и не приставит ко мне своих «спецов».

– Это я и хотел прояснить, спасибо, – ответил я. – Итак, к делу. Я понимаю его только в общих чертах. Мне надо посмотреть, какой материал у вас есть, прикинуть, какой мне еще будет нужен, и тогда я дам вам ответ.

Диана цокнула языком и закатила глаза. Она была в нетерпении – болтала ногой и стучала ногтями по столешнице. Соня никак не реагировала на нее, видимо, уже привыкла. А вот меня это нервировало.

– Я вас понимаю, спасибо, что у вас такой щепетильный подход. Предлагаю пройти в конференц-зал, там все уже подготовлено.

– Соня, у вас же большой штат, – сказала Диана, когда мы вышли из кабинета. – А где все?

– В связи с текущей ситуацией я приняла решение, что мужчины в принципе все должны находиться на удаленке, а женщины ходят в офис по желанию. Опыт пандемии показал, что мы не теряем в качестве из-за того, что люди работают дома, так почему нет?

Эту речь Соня толкала, пока шла по опен-спейсу мимо тут и там пустующих столов. Должен отметить, что офис профсоюза выглядел совсем не так, как я его себе представлял. В моей голове жил образ помещения вроде больницы или военкомата – строго, старо, все дере-

вянное, пыльные бумажные журналы, заполненные от руки, один-два старых компьютера с жопастыми мониторами на столах у секретаря какой-нибудь большой шишки. Но в ПАР все не так – офис скорее походил на штаб-квартиру «Яндекса». Чистая, современная мебель, большие окна, на столах – мониторы Apple и белоснежные клавиатуры. Переговорные комнаты за стеклянными дверями, уютные и уединенные, большие и малые. На стенах – вдохновляющие надписи: «Ты можешь сделать это!», «Вся надежда только на тебя!», «Наши сердца – в твоих руках!». Небрежно разбросаны цветастые пуфы, кое-где даже натянуты гамаки с разноцветными подушками и пледами. Пахло чем-то вкусным – кофе я распознал точно, а вот что-то еще, сладковато-цветочное, не узнал. Вообще, офис очень приятный, яркий и при этом не утомляет. Те немногие сотрудники, что попадались нам, приветливо улыбались.

Мы зашли в конференц-зал.

Судя по всему, связи у ПАР действительно обширные. На длинном столе стояли коробки с материалами уголовного дела. Это были не оригиналы следственных документов, конечно же, а копии – хорошо сделанные снимки: четкие, яркие, легко читаемые. Отдельная благодарность тому, кто перед печатью обрезал снимки на компьютере, поэтому на изображениях нет лишних объектов типа пальца, держащего страницу. Приговор и последующие обжалования сшиты в отдельную папку.

Добыть все это не так-то просто, особенно если не являешься фигурантом дела.

– Ничего нельзя ни копировать, ни переписывать. Я вынуждена просить вас оставить телефоны и планшеты снаружи, у моего секретаря. Если вам нужно позвонить или написать сообщение, оставьте все в этой комнате, и секретарь выдаст телефон на необходимое время. Мы не будем отвлекать и торопить, но, пожалуйста, будьте готовы к шести часам дать ответ. Мы возьмем на себя смелость заказать обед в два часа, секретарь принесет меню. Кофе-брейк – в любое время в зоне приема пищи, там есть сэндвичи, печенье, круассаны и кофе. Вода в кулере в углу, пожалуйста, используйте одноразовую посуду разумно. Если нужны консультации со мной или с кем-то из сотрудников – дайте знать.

Я поблагодарил Соню за гостеприимство и притянул к себе первую коробку с материалами.

– Не надо бесконечно спрашивать, что я думаю. Я ничего пока не думаю, я читаю, – раздраженно сказал я.

Шел третий час работы. Диана задолбала меня вопросами. Каждые пятнадцать минут она вскакивала со стула, шла к окну, разминала спину, делала наклоны и как бы между делом спрашивала: «Ну, что думаешь?» Первые раз пять я пытался что-то пробубнить в ответ, но она не слушала. Она ждала, чтобы я дал окончательный вердикт. Признаюсь – иногда я уже готов был взяться, лишь бы она отстала.

Да я вообще был готов взяться и без изучения материала, просто боялся.

Что я искал? Я искал в материалах дела облик убийцы, чтобы уловить его хотя бы поверхностно, хотя бы силуэт. Понять, что Отлучный – это сто процентов не преступник. Тогда я мог бы начать работать с полной гарантией, что справлюсь. Окей, не с полной, но хотя бы с какими-то симптомами уверенности. Как делаешь, когдаходишь в море в первый раз, – трогаешь воду, пытаешься понять, не будешь ли ты визжать, как девчонка, справишься ли с охлаждением или лучше остаться на берегу и сохранить лицо.

– Ладно, я поняла, что тебе пока не все понятно, но давай хотя бы проговорим?

Идея была неплоха. Может быть, проговорить – то, что нужно. Но энтузиазм Дианы мог погубить на корню что угодно. Я вздохнул и перелистнул свой блокнот, точнее, не мой, а тот, что мне выдала секретарь Сони, Александра.

– Материалов очень много, но из того, что я успел изучить... Так... Что у нас... Павел Отлучный, 39 лет, пилот гражданских авиалиний, был осужден за убийство трех стюардесс,

сейчас отбывает наказание в исправительной колонии № 7 строгого режима в Белгородской области, в Валуйках. Его приговорили к пожизненному, судебно-психиатрическая экспертиза признала вменяемым, вот заключение... Вину Павел отрицает. На суде выступали коллеги, друзья и родственники Павла, и никто из его окружения не верит, что он мог зверски убить тех девушек. Согласно собранному адвокатом и профсоюзом характеристикам, Павел энергичный, целеустремленный, добрый, спокойный, чуткий мужчина, отец трех дочерей. На свободе играл в теннис, заботился о престарелых родителях, преподавал в университете летное дело. Коллеги отмечают, что Павел всегда был очень пунктуален в работе, требователен к себе и к коллегам, добивался поставленных целей, любил преодолевать преграды, воспринимал их как вызовы. Времени зря не терял: в командировках в свободное время повышал квалификацию, читал профессиональную литературу, посещал музеи. Его график был расписан по минутам. Судя по всему, он был представителем того самого слоя успешных, здоровых и красивых людей, вызывающих зависть даже на фото.

– Все так! – подхватила Диана. – Ты вот в точности описал Пашу.

– А ты с ним знакома? – спросил я.

– Нет, но наслышана. Я говорила с его коллегами, они все в один голос утверждают, что Паша не мог быть тем самым монстром, который убил бортпроводниц.

– У меня создалось ощущение, что ты знаешь его лучше, чем позволяет заочное исследование, – усомнился я.

– Тебе показалось, – возразила Диана.

– Диана, ты точно ничего от меня не скрываешь? Нам работать вместе...

– Да что я могу скрывать?

– Ты сказала: «в точности описал Пашу», так говорят даже не про знакомых людей, а про тех, которых близко знают и тепло к ним относятся. Иначе ты назвала бы его Павлом. И как ты можешь утверждать, что я точно его описал, если сама с ним не знакома?

– Ну я же объяснила, что твое описание соответствует тому, что я слышала от его коллег!

– Что мешало тебе так сказать? «О, ты описал его точно так же, как и его коллеги! А, наверное, потому, что ты читаешь их показания!»

Диана моргнула.

– Ты сейчас меня троллишь, что ли?

– Нет, я пытаюсь понять, в чем же на самом деле заключается твоя игра.

Диана подошла к столу, выдвинула стул и села.

– Витя, послушай, пожалуйста. Хватит искать подвох. Паша не мой любовник, не родственник. У меня нет личной заинтересованности в этом деле. Только профессиональная – я хочу нарыть новый способ заработка, который приносит бы удовольствие. Писать в телеграм-каналах о том, что Пугачева делает в Израиле, я не хочу. Анализировать новости и составлять экспертные колонки за тупых экспертов, которые двух слов связать не могут, тоже меня не привлекает. Я собираюсь сделать нормальный продукт из этого расследования и продать его. Возможно, выйти на международный рынок. Не знаю, сейчас с этим непросто. Но в любом случае я ищу нишу. Я вижу себя здесь – я смогу сделать из расследования кейс, на котором можно заработать. Это все мои причины. И если бы я могла сделать это без тебя, поверь, я бы это уже сделала. Но, увы, в одиночку у меня не получится.

Слишком убедительно, чтобы быть правдой. Но, в конце концов, на данном этапе я ничего не теряю, даже если Диана говорит мне не всю правду. А так оно и есть – готов отдать передний зуб.

– Хорошо, вернемся к делу. Тебя интересует мое мнение: мог ли Отлучный убить этих девушек.

– Вот да, такой хороший парень, не больной, не бомж, не судимый, мухи в жизни не обидел. Родители говорят, что в детстве он был тем самым паренком, который решал все миром

и ни разу серьезно не подрался. Короче, обычный нормальный парень. Разве ж он подходит под описание маньяка?

Диана смотрела на меня широко раскрытыми глазами, ожидая, что я подтвержу ее логику, скажу: «Именно! Вы чего тут все? Как можно нормального человека обвинить в таких преступлениях?!»

– Подходит, – ответил я.

– И вот я о том же... Что? Погоди, что?! Подходит? Ты сказал «подходит»?!

Она была поражена в самое сердечко! Глаза от удивления сделались еще больше, рот раскрылся, а руки с растопыренными пальцами поплыли вверх. Она изобразила беззвучную пантомиму «предел удивления».

– А чего ты так удивляешься? Отравление ядом, хорошо спрятанные следы, персонализированная жертва – это все признаки работы организованного преступника. А они именно такие.

– Какие – такие? – спросила Диана.

– Пунктуальные, умные, вежливые, тактичные люди, прекрасные друзья и семьянины, – ответил я. – Когда их арестовывают, родственники звонят во все колокола со словами: «Он не мог! Он не такой!» Конечно, он не такой, каким вы почему-то представляете себе преступника с данным *modus operandi*. Но он как раз таки мог. А вот описанный тобой ранее большой судимый бомж, обижающий мух, – нет!

– Я тебя не понимаю, – продолжала недоумевать Диана, взявшись за голову.

– Ну, смотри. У нас есть преступление: кража через форточку размером 60 на 60 сантиметров. Точно известно, что вор проник через форточку, никак иначе, – это его *modus operandi* («образ действия» по-латыни). Подозреваемых двое: мужчина весом 130 килограммов и мужчина весом 70 килограммов. Ты мне говоришь, что типичный вор – это человек с лишним весом. Да, это может быть и так, однако, как 130-килограммовый человек мог в форточку 60 на 60 пролезть, когда у него талия все 120?! Под это преступление с таким образом действий не подходит человек с таким лишним весом. А вот напасть в темном переулке на хрупкую женщину и забрать у нее деньги вполне может и толстяк, напугает массой. Но в форточку он не пролезет. Преступления, которые вменены Отлучному, хорошо подготовлены, преступник детально их продумал и тщательно скрыл следы. Психически нестабильный парень на такое не способен, подобные ребята совершают свои дела спонтанно, грязно, им плевать на сокрытие следов. Поэтому да, чем лучше охарактеризован Отлучный, тем больше шансов, что это он и есть. Конечно, при наличии мотива и отсутствии сдерживающих факторов.

Она потеряла лицо.

– Не все так просто, да? Чтобы убивать людей, не обязательно быть бомжом с особенностями. Да, что-то я ступила. Ты прав, конечно.

Я кивнул и вернулся к материалам.

Чем больше я читал, тем больше убеждался, что Отлучный – прекрасный кандидат на скамью подсудимых. И скорее всего, он и совершил эти преступления. Судя по протоколам допросов, следователь гоняла его по трем эпизодам вдоль и поперек. Странные беседы у них случились, потому что Отлучный охотно говорил, как проходил полет, что делал он и члены экипажа до и после, куда ходил, что видел, кого слушал. И при этом ничего, что касалось самого преступления. Вопросы-то следователь задавала, а в ответ только – «я не знаю, я этого не совершал». Ну, если он не признает вину, зачем же ему раскрывать объективную сторону преступления? Зачем рассказывать, как и что было совершено? Тут, как говорится, или крестик снимите, или трусы наденьте. Я встречал в записях психиатров, исследовавших личности преступников, такие казусы: преступник откровенно рассказывает о совершенном преступлении и поневоле выдает еще информацию, которой у следствия до этого не было, например о каком-то новом преступлении: в разговоре про убийство Марии случайно упомянул еще и

Елену, дальше дело техники. Отлучный так не проговорился, потому что не ответил ни на один из вопросов о преступлениях, но при этом активно прояснял ситуацию до и после, откуда, собственно, объективная сторона преступления и становится видна. Далее, он отказался от суда присяжных, и решение было принято единолично судьей. На мой взгляд, поступок смелый, но глупый. С такой фактурой хороший адвокат мог бы порезвиться с присяжными, заронить в них зерно сомнений. Но почему-то этого сделано не было.

Я, конечно же, не смогу за сегодня прочитать все протоколы слушаний в процессе, тем более что некоторые из них сделаны в виде аудиозаписи, но кое-что мне глаз зацепило. На одном из заседаний прокурор спросил у Отлучного, почему в Иркутске он решил поселиться не в том отеле, куда разместили остальных членов экипажа. Отлучный объяснил, что это было решение авиакомпании. Тогда прокурор вынул из-за пазухи нежданчик – бумагу за подписью Отлучного с просьбой не селить его в «Аэроотеле» в Иркутске в связи с тем, что в номерах слишком короткие кровати, свисают ноги, и он не может полноценно отдохнуть. «Согласен на отель Holiday Inn того же класса». В ответ Павел замолчал. Это очень и очень странно, потому что если бы это было правдой, то Отлучный так бы и ответил на вопрос прокурора: ноги свисают, не высыпаюсь. И все, вопрос исчерпан. Но почему же он солгал, чтобы прокурор достал бумагу, которую Отлучный сам же и подписал? Не мог же он забыть о том, что лично просил не селить его в «Аэроотеле». Это ведь слишком запоминающаяся история: ладно – бригаду бортпроводников поселили отдельно от пилотов, но чтобы пилотов разделили... Хотя, может, так у них принято? Не знаю, надо проверить. И вообще, если честно, очень часто в документах всплывал Иркутск. Я несколько раз видел судебные баталии по поводу Пекина и Лос-Анджелеса, и, как правило, там все звучало просто и ясно, никаких вопросов ни у судьи, ни у прокурора, ни у адвоката не вызывало. А вот Иркутск мелькал чаще других, при этом с какими-то глупыми нестыковками.

Вот еще, например, потерянная шариковая ручка «Паркер». Отлучный написал в администрацию отеля Holiday Inn претензию, что у него из номера стащили авторучку – черный пластмассовый корпус, серебряный аккуратный логотип. Примерный ущерб от кражи – 900 рублей, приложен скриншот из интернет-магазина Ozon с карточкой товара. Почему он был уверен, что ручку именно стащили, а не он сам потерял ее где-то? Может быть, она была «счастливой» и находилась на особом контроле, может, он что-то писал ею в номере и точно помнил, куда положил. Отлучился из номера, вернулся – и нету, разозлился и накатал претензию? Однако же если он совершил преступление, то стал бы светиться с пропажей ручки? Стал бы привлекать к себе внимание? Судя по времени регистрации претензии (в материалах дела пришта справка из отеля с указанием времени), Отлучный передал бумагу на ресепшен отеля за несколько часов до момента обнаружения тела третьей стюардессы. В этот момент она, скорее всего, была уже мертва. Зачем так рисковать? Это крайне нехарактерно для организованного преступника, который может вообще от дела отказаться, если есть реальный риск быть пойманным или попасть под подозрение. А если бы администрация отеля принялась за поиски? Если бы перевернули номер с его, конечно, разрешения? А если бы он отказал, то вызвал бы еще больше подозрений, мол, обвиняете, а осмотреть не даете, странный вы тип, не убиваете ли стюардесс? Или если бы разрешил – а нашли бы они пузырек с цианидом? Конечно, вряд ли бы поняли, что там, но риск-то есть. Причем Отлучный сознательно пошел на него. Зачем? Я бы понял, если бы он как-то обыграл эту карту, сделал бы заход в сторону алиби: «Вот, уважаемый суд, смотрите, я ничего не боялся в тот момент, когда стюардесса уже была мертва, даже обвинил персонал отеля в воровстве! Будь я убийцей, стал бы привлекать к себе внимание? Нет, сидел бы тихо. А я не сидел!» Но он промолчал, когда прокурор зачитал заявление о краже ручки. Ничего не сказал, никак не использовал, не попросил приобщить к материалам результат рассмотрения жалобы! Почему? Может быть, это ниточка, за которую он хотел дернуть позднее? Я пролистал апелляцию, кассацию – ничего про ручку не сказано. Крайне странно.

Убийства. Всего их три: одно в воздухе (Москва – Пекин) и два на земле, после совершения полета (рейсы Москва – Лос-Анджелес и Москва – Иркутск). Во всех случаях присутствует отравление цианидом. Причем на земле отравление произошло от сухой формы, а в воздухе – через назальные капли, в заключении судмедэкспертизы есть отметка о разрушении слизистой носа вследствие прямого контакта с ядом наряду с действием антиконгестанта нафазолина нитрата (противоотечное средство). Короче, цианид растворили в нафтизине. Всасывание мгновенное, доза огромная, смерть быстрая. И здесь еще более странно: убийство в воздухе, в замкнутом пространстве, все следы собраны на крохотном участке – ситуация, легко выходящая из-под контроля. Небезопасно, совсем небезопасно! И убийца совершает это преступление вторым, а потом снова возвращается к первому *modus operandi*, убийству на земле после рейса. Почему так? Дело не терпело отлагательств? Жертва была выбрана по другим причинам? Если раньше он убивал в связи с тем, что ему отказывали, как утверждает следствие, то Ольгу Спиридонову он отравил, потому что она что-то заподозрила? Получается, она вне серии, убита не по мотивам, которые он преследовал ранее? И правильно ли установлен изначальный мотив?

Я прикрепил к страницам приговора, где описывались преступления, стикеры разных цветов, чтобы потом быстро по тексту находить, что к какому преступлению относится. В блокнот выписал Ф.И.О. жертв, рядом мотив и ключевые доказательства. Посмотрел на полученную таблицу. Конечно, все стройно и в ряд: мотив везде одинаковый, способ убийства тоже, разнятся место и время, что не удивительно для такой работы, авиация все же. Эта таблица показывала дело глазами судьи, тут наверняка все подогнано, иначе быть не может – как тогда судья приговор-то вынесет? Осталось проверить, так ли все на самом деле было или нет.

Но если все так, то профайлеру тут делать нечего. С установленными и доказанными мотивами, что на языке юристов называется «субъективной стороной преступления», Павел Отлучный – идеальный кандидат.

– Надо пообедать, – решил я. – Закажу, пожалуй, плов. И салат греческий. А ты?

Диана, что-то читающая в томе № 8 уголовного дела, подняла голову и посмотрела на меня так, как будто я сморозил страшную глупость.

– У нас дело разваливается... Как ты вообще будешь есть?

– Как обычно. Ртом.

В квартире Вити

А сегодня постель чистая, следов лепестка нет. Интересно, ты смог вообще заметить его? Я заглядываю под кровать. Сухих крошек нет, лепестка тоже нет. Иду с фонариком в кухню, внимательно изучаю мусорное ведро с органическими отходами. Здесь только кожурка от банана. Лепестка нет.

Есть еще урна в уборной.

В ней и нашелся лепесток, скрученный в тонкую трубочку.

Тебе нужно было долго пропитывать его влагой своих пальцев, чтобы он не рассыпался, а свернулся в трубочку. Значит, ты долго держал его, рассматривал, пытался сообразить, что же это такое и откуда оно взялось.

Я улыбаюсь. Возвращаюсь в спальню и кладу под подушку еще один.

Рейс Москва – Иркутск

14 июня 2018 года

Воздушное судно: Боинг 737-800

Крейсерская скорость: 852 км/ч

Время в пути: 5 часов 40 минут

Расстояние: 4202 км

Время вылета (московское): 14.06.2018, 01:30

Планируемое время прибытия (иркутское): 14.06.2018, 13:10

Болтанка началась примерно во время передачи от диспетчера круга к диспетчеру подхода, то есть когда самолет поднялся выше 2100 метров, зона взлета осталась позади, судно уверенно шло к высоте следования.

Трясло неслабо, Миша в какой-то момент даже пожалел, что не развернулся на входе, когда узнал, что трое пассажиров не явились на регистрацию. Подумаешь, потерял бы три тысячи рублей. Не зря некоторые пилоты садятся в самолет последними и спрашивают у персонала, сколько человек не пришли и по какой причине. Статистика вещь упорная, девяносто процентов авиакатастроф происходили тогда, когда на борту не досчитывались двоих-троих людей, которые по веским причинам не смогли вылететь. Если их отвел Бог, то и тебе следует отвестись, гласят поверья.

С другой стороны, сколько рейсов с таким недобором успешно приземлились в пункте назначения? Тысячи. Сотни тысяч! Успокоиться оказалось непросто, Миша стал прокручивать в голове нормативку, которую вот-вот предстоит сдавать на экзамене: *«Диспетчер диспетчерского пункта круга управляет воздушным движением в переходном воздушном слое, оценивает воздушную обстановку, обеспечивает соблюдение установленных интервалов эшелонирования между воздушными судами. Осуществляет контроль воздушного движения с помощью индикатора подсистемы планирования, прослушивания соответствующих каналов радиосвязи»*. Когда он только поступил в МГТУ ГА и впервые прочел это, то понял примерно ничего, увидел какой-то набор повторяющихся слов, смысл и значение которых усвоить невозможно. Но сейчас каждое слово переливалось глубоким смыслом, и он помнил цитату из квалификационного справочника должностей наизусть не потому, что у него фотографическая память, а потому, что в самом деле понимал, что все это значит и почему оно предельно важно. Все это: и управление самолетом в переходном воздушном слое, и соблюдение интервалов эшелонирования, и контроль воздушного движения именно с помощью каналов радиосвязи. Если диспетчер руления на земле может осуществить визуальный контроль взлетно-посадочной полосы, то диспетчер подхода или контроля глазами ничего не видит, так как управляет самолетом в воздухе по приборам и радиации, можно сказать, вслепую. Он должен «увидеть» самолет в пространстве, сориентироваться, где находятся другие суда, и развести их так, чтобы они не столкнулись и при этом не попали в засветку (грозовое облако) или в воронью стаю.

Судя по всему, именно в засветку они и попали. За иллюминатором сверкало, борт трясло, кто-то начал громко молиться и вскрикивать.

Миша вынул из кармана четки и стал их перебирать. Его это успокаивало. А еще то, что командир воздушного судна на этом рейсе – Павел Отлучный, хороший парень, профессионал своего дела. Миша знал его лично, потому что Павел преподавал в их университете. Переживать не о чем.

– Мы разобьемся? – спросила женщина у окна.

Миша повернулся к ней и спокойно ответил:

– Нет, не разобьемся. Это турбулентность, скоро пройдет. Не переживайте.

Она явно боялась больше, чем он. Глаза по пять рублей, пересохшие губы, руки дрожат. Мужик справа, в кресле у прохода, уже уснул. Ему, видимо, плевать на болтанки, на панику и в принципе на все. Если человек способен уснуть на взлете и продолжать спать при тряске, то у этого человека не все нормально с нервами. Они у него есть вообще?

– Вы носите с собой помаду? – спросил Миша.

Женщина кивнула.

– Достаньте, смажьте губы.

Она неуверенно полезла в сумочку, словно задаваясь вопросом, зачем намаживаться, когда самолет вот-вот рухнет наземь. Самолет в очередной раз сильно трянуло, кто-то вскрикнул, женщина бросила сумку на колени, схватилась за кресло впереди и заорала. Мужик не шелохнулся.

– Спокойно, спокойно, – сказал Миша и взял женщину за руку. – Все хорошо, все будет нормально...

Она плакала – глаза превратились в щелки, сухие губы болезненно натянулись, начала сочиться кровь.

– Вам нужно смазать губы. Может быть, есть жирный крем какой-то?

Она не хотела отпускать кресло и его руку, но Миша все же уговорами заставил ее отвлечься и поковыряться в сумке. Она показала синенький тюбик с логотипом фирмы Nivea, Миша забраковал помаду как недостаточно жирную и потребовал найти какой-нибудь крем. В сумке женщины отыскалась крохотная дорожная упаковочка дорогого крема. Миша его одобрил и велел густо намазать губы, ладони и пазухи носа. Воздух в салоне сухой, кожа моментально теряет влагу, становится грубой, и могут образовываться микротрещины. Это не способствует успокоению. А толстый слой крема делает кожу мягкой и приятно пахнущей. С какой кожей человек успокоится скорее – с треснувшей от сухости или мягкой и приятно пахнущей? Очевидно же.

Когда они закончили с процедурами, самолет вышел на высоту следования. В салоне включили свет, командир судна сказал, что все в порядке, далее по пути турбулентностей не ожидается, но лучше оставаться в креслах пристегнутыми. После него старший бортпроводник объявила, что сейчас будут предложены безалкогольные напитки.

– Стараюсь спать в самолетах, – уже спокойно заговорила женщина. – Но после набора высоты, конечно. Меня ни одно снотворное не возьмет, если будет трясти. Это ужас просто. Я страх как боюсь летать. Меня зовут Наталья, кстати.

– Я Михаил, – ответил Миша. – Я уже понял, что боитесь.

– Спасибо, что успокоили. Не представляю, как бы летела дальше, если бы показала себя по полной.

– А бывало что-то забавное? – спросил Миша с улыбкой.

Женщина улыбнулась в ответ.

– Как-то я летела очень далеко и долго, по-моему, в Доминикану. В отпуск. Тогда случилось что-то совсем из ряда вон, потому что авиакомпания иностранная, говорили на английском. Я ничего не понимала, страшно было до ужаса. Трясло примерно так же, только еще и свет погас вообще, даже дежурный. И кто-то постоянно что-то над головой говорит, а я ни слова не понимаю: может, там говорили, как спастись, понимаете? Я – ни бум-бум. Панику я не подавила, вырвалась из кресла и побежала к выходу. На ходу меня пытались остановить, а я была в юбке. Какая-то заботливая дама схватила меня за юбку и пыталась удержать, чтобы усадить в кресло, но Остапа понесло. Нам уже плевать было на тряску, каждый занимался своим: она требовала, чтобы я села, – наверное, потому, что язык-то я не понимала, а я была оскорблена до глубины души, что меня кто-то держит, и всячески вырывалась. В итоге я дошла до двери в трусах и футболке, но все же дошла! Там меня встретила стюардесса, усадила в салоне бизнес-класса, накрыла пледом и велела успокоиться, потому что все уже позади.

Они посмеялись над этой историей и рассказали друг другу о себе. Наталья занималась ландшафтным дизайном, в Москве у нее была небольшая фирма, в которой помимо нее трудилось еще пять человек.

– Камерная такая компания, – рассказывала Наталья, – фактически мы работаем только с моими заказами. У нас нет других дизайнеров, нет смежных услуг. Юрист-бухгалтер, менеджер, который решает все вопросы по закупкам и документам. Все работают на меня.

– А в Иркутск вы летите зачем?

– На финальную приемку проекта, – ответила Наталья. – Мы оформляем ландшафт загородной резиденции чиновника. Послезавтра будет открытие, большая вечеринка с именитыми гостями. Все должно быть безупречно. Поэтому я лично все проконтролирую. А вы зачем летите?

– Как раз на ту вечеринку, – ответил Миша.

– Seriously?

– Да нет конечно, шучу! Я лечу домой, повидаться с мамой. А потом обратно в Москву. Я учусь в университете гражданской авиации.

– Так вы будущий пилот?

– Нет, я будущий авиадиспетчер.

– А самолетам нужны диспетчеры? Разве там все не электроника делает?

– Что вы!..

Миша принялся объяснять, как работает управление воздушным судном. Они болтали несколько часов без умолку. Наталью, казалось, увлекло летное дело, и она засыпала его вопросами. Как с Мишей бывало в такие моменты, чем дольше он общался с Натальей, тем моложе она казалась.

– А вы заметили, Миша, что тут все стюардессы недолюбливают одну? Я думаю, она спит с пилотом.

– Это с чего вы взяли?

Они уже выпили по две бутылочки красного сухого вина, и им стало весело, несмотря на громко храпящего мужика справа.

– Когда он выходил из кабины в туалет, та самая стюардесса... вот, вот она! Вот, идет.

Между креслами вальяжной походкой шла бортпроводница. Высоченная, надменная и, чего уж тут греха таить, красавица. Глаза томно прикрыты, слегка недовольная улыбка. Она лениво оглядывала пассажиров и следовала вдоль кресел не торопясь, словно прогуливалась по набережной где-нибудь в Ницце. Не хватало легкого бриза, чтобы трепетали блондинистые локоны, ну и локонов тоже не хватало, потому что они были стянуты в тугий пучок на затылке. Она прошла мимо них, и Миша с Натальей дружно захихикали, как школьники, а потом выбрались со своих мест и отправились в хвост самолета якобы в туалет, а на самом деле подслушать, о чем там будут шептаться стюардессы.

Из двух туалетов один был свободен, и Миша пропустил Наталью, а сам встал поближе к шторке, за которой своими делами занимались бортпроводницы. Судя по всему, они готовились раздавать еду.

– Я надеюсь, ты когда-нибудь созреешь, чтобы извиниться за то, что рассказала всем про наши обстоятельства? – спросила одна из них, судя по тону, та самая эффектная блондинка.

– Я уже все объяснила. Мы разговаривали о приоритетах. Это ведь тренинг, там так делают, – прозвучал в ответ недовольный, уставший голос.

– Говорить надо про свою жизнь, а не про чужую.

– Я всего лишь сказала, что я не одна такая дура. Я не хочу больше это обсуждать.

На минутку воцарилась тишина, но затем эффектная снова продолжила:

– Ты все еще страдаешь из-за того, что тебя унизили и оскорбили?

– Не начинай. Я только перестала об этом думать.

– Я говорила тебе, как надо поступать с такими мужиками. Ногой в яйца, да посильнее.

– Спасибо за совет, блин. Если я вломлю доктору, меня уволят как неадекватную. Ты этого добиваешься? Знаешь что, вломи ему сама. Или скажешь, что он тебе гадости не говорит?

- Не говорит, – фыркнула эффектная.
- Врунья. Он всех баб ненавидит. Потому что...
- Ой, да не носи ты ерунду. Он видит, что ты забитая серая мышь, вот и кидается...
- Все, отстань от меня, пожалуйста.
- Дурочка, я же помочь тебе хочу!

Миша отодвинул шторку. В маленькой кухоньке их было двое – та самая бортпроводница и вторая, помельче и поблеклее. Как раз вторая и просила отстать от нее. Она выглядела утомленной и бледной. Казалось, сейчас заплачет.

- Девушки, а можно воды стакан, пожалуйста? – попросил Миша с улыбкой.

Томная бортпроводница сладко улыбнулась, взяла стаканчик в руки и посмотрела на другую. Мол, чего ты ждешь. Та с шумом выдохнула, отвинтила крышку на бутылке, налила в стакан.

- Вот, пожалуйста, – сказала томная, протягивая Мише стакан, до краев наполненный водой. – У вас все хорошо? Что-нибудь еще нужно?
- Нет, спасибо, жду, когда освободится туалет.
- Хорошо.

Она аккуратно задернула шторку, и больше оттуда не донеслось ни слова.

Глава пятая

Витя

Москва, сентябрь 2022 года

После обеда дело пошло быстрее.

Я предложил Диане снова проговорить все, что мы узнали из материалов дела, и сделать уже какие-то выводы. Она согласилась, хотя была не очень довольна, потому что невкусно поела. Сама виновата – надо было со всей серьезностью подойти к выбору блюда, а не заказывать что ни попадя. В итоге я ел аппетитный рассыпчатый плов с курицей, а она ковыряла какое-то поке с водорослями и склизкой рыбой. Буэ...

– В основу всех мотивов Отлучного положен любовный, – констатировал я. – Все три стюардессы...

– Ты уже не в первый раз называешь их «стюардессами», – перебила меня Диана. – В этом здании называй их бортпроводниками. Им это очень важно. Стюардессы – это оскорбительно, вроде как «секретарша».

– Хорошо, – ответил я, – понял. Итак, все три девушки, по версии следствия, состояли в любовных отношениях с Павлом, и все три романа кончились плохо. Первая жертва – Винера Леонова – найдена мертвой неподалеку от отеля «Hilton» в пригороде Лос-Анджелеса. Отравлена цианидом, большая дозировка. Скорее всего, приняла его вместе с миндальным пирожным. На вскрытии – яркая картина отравления ядом, следов насилия и сексуального акта не обнаружено.

– Но, опять-таки, о романе знали только некоторые ее коллеги, с которыми она пересекалась в бригадах, – сказала Диана. – Подруги вне авиации отрицательно качали головами, не признавая, что Винера кому-то из них говорила, будто крутит любовь с пилотом. Личной жизни на земле у нее тоже не было. Один роман с одноклассником, который кончился, когда Винера поступила на работу. Следователи с ним не общались, хотя он, что удивительно, тоже пилот. Расстались они потому, что «дороги разошлись, прошла любовь, завяли помидоры» и все такое.

– То же самое и с Ольгой Спиридоновой, – сказал я, – связь с Отлучным установлена только на основании показаний все тех же коллег, а родные и друзья связь отрицают. Это странно, да? Как может случиться, что подруги не знают? Ну ладно мама, тут понятно. Но подругам-то отчего не сказать?

Диана пожала плечами.

– Я о своей личной жизни никому не говорю, – сказала она. – Вот если соберусь замуж, то расскажу. А так-то зачем? Чтоб обсуждали и осуждали? Люди разные. Да и потом, кому какое дело?..

– Говоришь как человек с большим секретом, – сказал я. – Отчего ж не похвастаться парнем? Тем более – каков красавец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.